ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (3054) Четверг, 26 февраля 1953 г. Цена 40 коп.

Основа творческих успехов

Нигде и никогда за всю историю человечества художественная литература не выполняла такой огромной общественно-преобразующей роли, какую выполняет она в нашей стране в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Будучи могучим средством коммунистического воспитания, советская литература призвана формировать и развивать лучшие чувства и качества наших людей — их беспредельную преданность социалистической Родине, их стремление, не жалея сил и труда, всемерно укреплять оборону Советского государства, их высокую политическую бдительность.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил перед писателями большие и ответственные задачи: глубже изучать и правдиво, полнокровно отображать кипучую жизнь советского общества, создавать крупные художественные произведения, достойные нашего великого народа; показывать яркие художественные образы людей нового типа во всем великолепии их моральных качеств — людей, помыслы, действия и поступки которых должны служить примером для подражания; смело вскрывать жизненные конфликты и противоречия, бичевать пороки, недостатки, болезненные явления.

Быть на высоте этих задач, решать их в полную силу своего таланта, действительно глубоко понимать жизнь помогает писателю овладение теорией марксизма-ленинизма, теорией, вооружающей знанием законов общественного развития и политической борьбы.

Обращая внимание работников советской литературы и искусства на необходимость изучать жизнь, учиться у жизни, товарищ Сталин указывает: «А чтобы правильно разбираться в том, что видишь, надо знать марксизм. Мне кажется, что наши художники еще недостаточно понимают великую силу марксизма.

...Для того, чтобы ваши произведения были пропитаны марксизмом, вы сами в первую очередь должны по-настоящему его знать, чувствовать и любить».

Систематическое расширение идейно-теоретического кругозора, серьезное, любовное изучение марксистско-ленинской теории оплодотворяет творчество писателя, способствует наиболее полному и всестороннему развитию его таланта, помогает ему смело вторгаться в жизнь, быть активным общественным деятелем, итти в первых рядах строителей коммунизма.

На примере лучших произведений нашей литературы можно убедиться в том, как правильные идейные позиции художника придали ему творческую смелость в освещении важнейших проблем нашей действительности, позволили ему увидеть в нашей жизни напряженную борьбу между старым и новым, помогли ему распознать и горячо поддержать это новое.

И наоборот, отсутствие правильных идейных позиций, беззаботное, беспечное отношение к овладению марксизмом-ленинизмом приводит, в конечном счете, к серьезным ошибкам, неудачам, провалам в художественном творчестве. В результате пренебрежения к своей идейной подготовке такой писатель неизбежно отстает от жизни, начинает плестись в хвосте событий и постепенно вырождается из общественного деятеля в обывателя от литературы. Он оказывается не в состоянии правильно оценивать сложные явления общественной жизни, не в состоянии понять ход, тенденцию их развития, не в состоянии критически отнестись ко всякого рода путаным и подчас чуждым марксизму «точкам зрения» и «концепциям».

В чем, например, кроются главные причины того, что роман В. Гроссмана «За правое дело» оказался идейно порочным и в целом, несмотря на отдельные удачные сцены, художественно неполноценным произведением? Ведь автору нельзя отказать ни в талантливости, ни в наблюдательности. Нельзя утверждать, что он не пытался изучать жизнь, не был очевидцем тех событий, о которых взялся писать. Но, не преодолев своих немарксистских «концепций», своих идеалистических взглядов на процессы общественного развития, В. Гроссман не мог правильно разобраться в том, что видел, грубо исказил правду жизни.

Как известно, ряд наших критиков и писателей не сумели разглядеть идейной порочности романа В. Гроссмана и встали на путь его безудержного захваливания. Это лишний раз свидетельствует о недостаточном уровне идеологической работы в писательской организации, о недочетах в постановке марксистско-ленинского воспитания писателей и критиков.

Заботами партии в нашей стране созданы самые благоприятные условия для того, чтобы работники всех специальностей, всех отраслей партийной, государственной, общественной деятельности могли успешно овладевать марксизмом-ленинизмом, непрерывно повышать свой идейно-теоретический уровень. Тем не менее в организациях Союза писателей эти условия используются не в полной мере. Постановка марксистско-ленинской учебы писателей еще не соответствует тем большим и серьезным задачам, которые стоят ныне перед советской литературой.

Руководство Союза писателей СССР не проявляет повседневного и пристального внимания к вопросам идейного воспитания, марксистско-ленинской подготовки членов и кандидатов союза. За последнее время, например, в ССП СССР обсуждалось творчество днепропетровских и дальневосточных писателей, но на обсуждениях не было глубоко проанализировано состояние идеологической работы в этих писательских организациях. Не были серьезно поставлены эти вопросы и на всесоюзном совещании редакторов альманахов и на семинаре молодых прозаиков.

Между тем в ряде местных организаций ССП, в коллективах редакций некоторых литературно-художественных журналов и альманахов изучение марксистско-ленинской теории, идейное воспитание творческих кадров поставлены неудовлетворительно.

В Саратове, например, отсутствует контроль за политическим самообразованием писателей и повседневная помощь им в этой работе; изучение писателями решений и материалов XIX съезда партии до сих пор не организовано. Вышедший после съезда семнадцатый номер альманаха «Литературный Саратов» подвергся резкой критике в печати за низкий художественный уровень, за отсутствие глубоких по содержанию произведений на современную тему.

Даже в таких крупных организациях ССП, как московская и ленинградская, в постановке изучения марксистско-ленинской теории имеют место существенные недостатки. Партийный комитет ССП СССР организовал для писателей столицы лекции и семинары по изучению классического труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Но посещаемость лекций и семинаров неудовлетворительная.

Партийная организация московских писателей на своем открытом собрании провела на днях обсуждение проблемы конфликта в литературе. К сожалению, подобные собрания, посвященные теоретическим, творческим вопросам, — явление еще редкое, хотя важность их для идейного роста писателей очевидна.

В Ленинграде 68 писателей коммунистов и беспартийных числятся самостоятельно изучающими марксистско-ленинскую теорию. Но из них 23 человека не имеют консультантов, да и формально «прикрепленные» к консультантам фактически предоставлены самим себе. С начала учебного года консультанты встречались с самостоятельно изучающими теорию не более одного раза, а некоторые из консультантов до сих пор вообще не приступили к выполнению своих обязанностей. К сожалению, состоявшееся недавно общее собрание ленинградских писателей, обсуждая отчет о работе правления своей организации, уделило мало внимания вопросам идейного воспитания.

А ведь именно с недостатками в идейном воспитании прежде всего связаны слабое развитие во многих писательских организациях критики и самокритики, низкий уровень творческих обсуждений, подмена принципиальных оценок того или иного произведения его захваливанием в угоду приятельским соображениям. Все это мешает дальнейшему подъему нашей литературы, способствует появлению посредственных, скучных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность.

XIX съезд партии особо указал на необходимость покончить с недооценкой идеологической работы. Первейшая обязанность всех партийных организаций, объединяющих писателей,—резко улучшить постановку марксистско-ленинской учебы творческих кадров, систематически повышать и совершенствовать их идейно-политическую подготовку, прививать всем писателям любовь к изучению теории.

Надо позаботиться о том, чтобы в лекциях и на семинарских занятиях теория не преподносилась сухо и отвлеченно, чтобы усвоение ее проходило не формально, не начетнически, а чтобы приобретенные знания могли успешно применяться писателями при решении творческих задач.

Самое главное заключается сейчас в том, чтобы повседневно и квалифицированно помогать нашим творческим кадрам в изучении гениального сталинского труда «Экономические проблемы социализма в СССР», речи товарища Сталина на XIX съезде партии и решений съезда.

Классическое произведение товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» представляет собой великий образец творческого марксизма, новый, высший этап в развитии марксистско-ленинского учения; его идейное богатство поистине неисчерпаемо. Овладение этим богатством позволяет еще глубже усвоить существо всепобеждающих марксистско-ленинских идей, еще глубже понять их гигантскую вдохновляющую, организующую и преобразующую силу, еще глубже познать сталинскую науку о строительстве коммунизма.

В «Экономических проблемах социализма в СССР» товарищ Сталин всесторонне исследовал законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, определил научные основы развития социалистической экономики и указал конкретные пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. В этом сталинском труде дано научное решение таких великих социальных проблем и программных вопросов коммунизма, как уничтожение противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, а также разработан новый в марксистской науке вопрос о ликвидации остающихся еще в социалистическом обществе существенных различий между ними.

Теоретические труды товарища Сталина предупреждают против скольжения по поверхности, учат проникать в глубь явлений, в самую суть процессов развития общества, учат видеть в зародыше те явления, которые будут определять ход событий.

Какое неоценимое значение имеет все это для наших писателей, долг которых — правдиво, исторически конкретно изображать действительность в ее революционном развитии, показывать не только сегодняшний день нашего народа, но и раскрывать день завтрашний, указывать народу путь вперед!

Глубокое овладение марксизмом-ленинизмом — основа творческих успехов писателей, важнейшее средство улучшения деятельности писательских организаций, повышения их непримиримости ко всякого рода идеологическим ошибкам и извращениям, залог дальнейшего подъема всей советской литературы.

ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ АННЫ ЗЕГЕРС

25 февраля, после полуторамесячного пребывания в Советском Союзе, из Москвы выехала Анна Зегерс — лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», председатель Союза немецких писателей.

Перед отъездом Анна Зегерс посетила Союз советских писателей СССР. Она ознакомилась с опытом творческой и организационной работы ССП, рассказала о деятельности немецких литераторов.

На Внуковском аэродроме Анну Зегерс провожали представители Союза советских писателей СССР.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

От корреспондентов «Литературной газеты»

Три бюджета одной семьи

Год 1940-й...

Маленькая конторка Григорьевской больницы, что расположена в рабочем поселке машиностроителей. Сюда каждое утро приходит и усаживается за свое рабочее место бухгалтер Митрофан Митрофанович Дьяков.

Еще недавно работала и жена его Татьяна Сморагдовна, швея по специальности. Потом она из-за болезни рассталась с фабрикой. А чтобы бюджет семьи — у Дьяковых трое детей — оставался на прошлогоднем уровне, Митрофан Митрофанович взял на себя по совместительству бухгалтерский учет в амбулатории.

Скромный служащий Митрофан Митрофанович получал сравнительно небольшую зарплату, но страна помогала ему вырастить детей и дать им образование. За хорошую работу его не раз премировали. Дети учились бесплатно в семилетке, за счет профсоюза отдыхали летом. В 1940 году школьники Николай и Александр Дьяковы почти месяц пробыли в пионерском лагере, а сестра их Таня отдыхала в «Артеке».

Годовая заработная плата М. Дьякова не превышала тогда 8.600 рублей.

Год 1946-й...

Отгремели бои Великой Отечественной войны, наступила пора напряженной строительной страды. В Донбассе возрождались города, заводы, шахты, возникали новые поселки и кварталы. Уже возводились в степи, за поселком, стены новых домов.

Вечером, когда росшие в степи молодые абрикосовые деревья отбрасывали длинные тени, на одном из участков можно было встретить человека с чуть тронутой сединой головой. Он споро рыл траншею для фундамента. Ему помогал вихрастый паренек в майке, а чуть поодаль старательно орудовал то пилой, то топором, то рубанком другой юноша, в движениях которого угадывалась сноровка заправского строителя.

Это была семья Дьяковых. За минувшие шесть лет дети выросли, возмужали. Таня, окончив с золотой медалью среднюю школу, училась теперь на втором курсе горномеханического факультета Донецкого индустриального института, а ее братья Николай и Александр — в Сталинском техникуме гражданского строительства. Митрофан Митрофанович продолжал работать бухгалтером заводской больницы. Оклад его стал несколько выше, да и весь бюджет семьи значительно изменился: трое студентов получали стипендию и каждый месяц приносили ее матери, занимавшейся попрежнему домашним хозяйством.

Митрофан Митрофанович получил от государства на строительство собственного дома долгосрочную ссуду в размере 10.000 рублей, закупил лес и другие материалы. Впрочем, теперь Дьяковы вполне могли расходовать на строительство дома и часть заработка.

Их семейный бюджет в 1946 году достиг 18.480 рублей.

Год 1952-й...

Я побывал на днях у Дьяковых — в выстроенном ими самими доме на улице Мечникова. В доме — чисто и уютно, все говорило о достатке хозяев.

Было воскресенье, и вся семья оказалась в сборе. Александр и Николай играли в шахматы, а их отец, мать и сестра с интересом наблюдали за поединком братьев.

Мы разговорились. Татьяна рассказала, что Митрофан Митрофанович — страстный любитель художественной литературы: придет с работы, пообедает, послушает радио и берется за книгу. Иной раз засиживается за книгой до поздней ночи.

— И вот он тоже у нас сидит допоздна, то читает, то чертит, — показала Татьяна на брата Николая.

Николай, окончив техникум и заняв на заводе должность инженера, продолжает настойчиво учиться. Нынче он готовится к экзаменам за пятый курс Ленинградского заочного индустриального института.

Самой Татьяне тоже приходится иметь дело с чертежами — она работает в Донецком филиале «Гипроуглемаша» инженером по расчету конструкций. Не без гордости Татьяна сообщила, что ей довелось участвовать в расчетах конструкций таких замечательных машин, как угольные комбайны «Донбасс» и «Горняк», а сейчас рассчитывает конструкцию нового горного комбайна.

Дьяковы рассказывали о своей жизни, и, слушая их, нетрудно было понять, что благосостояние этой трудовой семьи за последние годы выросло еще больше. Государство дало образование и специальность детям, и теперь в семье работает не один, а четверо. Заметно сказались на их бюджете ежегодные снижения цен. Прошлым летом, будучи в командировке в Москве, Николай купил на деньги, сбереженные им и братом Александром, мотоцикл и приехал на нем домой.

В 1952 году бюджет семьи Дьяковых составил свыше 57.000 рублей.

А. ИОНОВ

СТАЛИНО

ПОСЕЛОК В ЛЕСУ

Поселок Чална вырос года три назад в лесу, и все здесь напоминает о лесе: могучие деревья, окружающие его, название улицы — Лесная, — плакаты и лозунги, на которых непременно фигурирует в разных сочетаниях слово «лес».

У клуба — театральная афиша, из которой явствует, что сегодня петрозаводский театр дает для лесорубов спектакль.

Впрочем, лесорубы не только смотрят спектакли гостей из столицы республики. Они не просто зрители, они и артисты. При клубе существуют драматический, хоровой, танцевальный и музыкальный кружки. Здесь всегда собирают полную аудиторию лекции, доклады о международном положении.

Растет профессиональное мастерство шуйско-виданских лесорубов — свидетельство тому высокие производственные показатели леспромхоза. Растет и их культурный уровень — в этом легко убедиться, познакомившись с читательскими формулярами в местной библиотеке.

— У нас насчитывается четыре тысячи книг, — рассказывает заведующий клубом В. Федоров. — Казалось бы, не так мало. И все-таки не хватает, особенно новинок художественной литературы, на них у нас очередь. А ведь нужно снабжать книгами не только наших поселковых читателей, но и на лесоучастки посылать.

На лесоучастках существует три передвижные библиотеки. Для доставки туда книг заведующий клубом часто пользуется услугами паровозных машинистов. Вот и сейчас он вручает машинисту А. Кемпи этот приятный груз. Кемпи улыбается: ребята на лесоучастке будут довольны, груз-то и в самом деле приятный. Да и тот груз, который ему придется везти обратно, тоже хорош — лес!

Фото Г. ГРИГОРЬЕВА

п. ЧАЛНА, Карело-Финской ССР

ЗА КРОМКОЙ ЛЬДА

Все отчетливее проступали приметы утра. Негромко, но энергично застучал мотор на одном катере, затем на другом, на третьем, прошли мгновения,—и, кажется, все в порту наполнилось машинным грохотом. На палубах замаячили неясные силуэты людей. Один за другим катера отходили от причалов. Вскоре в темноте засияли десятки огоньков. Среди них был огонек и нашего «СТБ-38» — такого же рыболовного стального тралового бота, как и другие.

Прежде балтийские рыбаки никогда не ходили по зимам в море. Зимой они промышляли подледным ловом: рубили лунки и спускали под лед сети. Только полученная от государства мощная техника, великолепный флот и созданные в помощь колхозам машинно-рыболовецкие станции позволили эстонским рыбакам впервые в истории выйти зимой в открытое море.

В крепкие морозы, когда слой льда особенно толст и прочен, впереди рыболовной флотилии идет ледокол, расчищая ей путь. Сейчас траловые катера идут одни. За стеклами капитанской рубки, нарядно фанерованной под дуб, все еще темно. Слышно только, как скрипит лед, разрезаемый крепким носом катерка, как льдины, сопротивляясь, с хрустом жмутся к его бортам, царапают их.

Рассвет наступает не постепенно, а сразу. Вдруг побелело небо, посветлели льдины, последние на нашем пути, и перед взором открылся необъятный простор Балтики с зелеными волнами, с реющими в воздухе чайками. И сразу же, как только вошли в чистые воды, наш катерок закачало на волнах — сначала легко, потом все сильнее, сильнее.

В рубке — капитан Великс Редер, которого за необыкновенно высокий рост все называют Пикк (по-эстонски—длинный), и его помощник Вольдемар Трейма. Оба молодые, краснощекие, с обветренными лицами, оба — члены рыболовецкого колхоза «Яхта», оба — выпускники Таллинского рыбопромышленного техникума. Иногда Редер передает штурвал своему помощнику и спускается на палубу. Там он долго стоит у борта, пытливо вглядываясь в море.

— Выбирает место для трала,— поясняет Трейма. — Моряк должен знать свое судно и море, а нам, кроме этого, и рыбьи повадки надо знать. Салака, например, рыбёшка мелкая, а капризная! Ветра не любит, искать ее надо в подветренных местах. Чуть шторм — она наверх бросается, а трал по дну идет. Нам и за чайками следить приходится: где они, там и рыба. Не досмотришь за всем этим,— пусты будут тралы...

Внезапно пропела сирена, ход катера резко замедлился, и команда траулера (в ней трое, кроме капитана и помощника) собралась на палубе. Огромная сеть, похожая на широко раскрытый мешок, суженный внизу, медленно заскользила по доскам в море. Судно вновь пошло вперед, таща за собой на стометровом троссе трал.

Минут через сорок пять — их мы прошли средним ходом — трал подняли наверх: в сетчатом мешке бился, трепетал живой серебряный груз.

— Килограммов 350—400, никак не больше,— сокрушенно протянул Редер.

— Ничего, день только начинается,— заметил один из рыбаков Юхан Кальюла.

К слову сказать, в буржуазной Эстонии специалисты считали, что в Балтийском море, особенно в эстонских водах, траловый лов немыслим — дно неподходящее. Ошиблись, выходит!

Красными от ветра и ледяной салаки руками рыбаки раскладывают улов по ящикам, отбрасывают обратно в море мелких желтоватых крабов. Вместе с Юханом Кальюла я спускаюсь в кубрик.

— Сейчас будут передавать «Последние известия»,— предупреждает он.— Мы по очереди слушаем.

Кубрик маленький, но в нем чисто, а пестрые салфетки на столике, драпировки, задергивающие койки моряков, делают его даже уютным. Приемник включен на полную мощность; кажется, сильная музыка сокрушит сейчас стены кубрика и вырвется на морской простор.

Через минуту в открытом море мы слушаем радиовести. А наверху команда проверяет и чистит побывавшую в море сеть, укладывает рядами, вдоль борта, ящики с рыбой — на палубе должен быть порядок. Четыре раза сегодня гигантский мешок забрасывали в море, четыре раза он приносил из глубин живое серебро.

— Пожалуй, тонны полторы будет, — оглядывая ящики с салакой, произносит капитан.

— И две наберется! — весело откликаются сразу двое — Кальюла и Трейма.— Хорошо!

«СТБ-38» берет курс на обратный путь. В порт мы возвращаемся вечером под огнями, как и уходили. Рыбу сдаем на рефрижератор. Великолепный белый красавец «Калев» может принять до 90 тонн рыбы. Здесь ее взвешивают и опускают вниз в холодильник. Утром на грузовых машинах сегодняшний улов отправится в Пярну на рыбокомбинат, а оттуда по всей стране разойдутся коробочки с консервированной рыбой.

Т. ТОМБЕРГ

ТАЛЛИН

ОГНИ МАЯКА

Этот маяк стоит на высоком крутом берегу. В зимние месяцы, когда о скалы, пенясь, дробятся штормовые волны, с моря к нему не подойдешь. От ближайшего населенного пункта на суше он огражден горами. Пробраться к маяку через заснеженные вершины могут только хорошие лыжники да опытные ездовые на оленьих упряжках и то лишь при сравнительно сносной погоде.

Как живут люди на маяке? Он связан с районным центром телефонной линией, воспользовавшись которой, мы и соединились с начальником маяка Афанасием Петровичем Липаевым.

— Здравствуйте, Афанасий Петрович, расскажите, пожалуйста, что у вас делается, какая стоит погода?

— Погода—штормовая. Когда выходишь из помещения, приходится держаться за поручни, чтобы не сорвало ветром. Мгла вокруг кромешная, в нескольких шагах ничего не видно. Но работа идет своим чередом, огни маяка горят, как всегда.

— Чем заняты сейчас люди, свободные от вахты?

— Это смотря кто. Одни слушают по радио концерт из Москвы, другие читают книги, взятые в нашей «маячной» библиотеке, третьи просматривают свежие газеты и журналы, которые доставляются нам каждую неделю. Ну, а попозже отправимся ужинать. Между прочим я думаю, что, если к нам завернут гости, они на угощение не обидятся. Продукты к нам завезли еще осенью, кое-что дополнительно получаем и сейчас. Стол наш состоит из свежего мяса, рыбы, картофеля, свежих овощей, фруктов.

— А дети служащих маяка живут вместе с вами?

— Нет, дети наши живут и учатся в районном интернате. Там они обеспечены всем необходимым. Мой сын Аркадий заканчивает в нынешнем году семилетку. Его твердое решение,—которое я, конечно, горячо поддерживаю,—получить полное среднее образование, а затем поступить в институт. Между прочим недавно в нашем небольшом коллективе произошло прибавление семейства. Нам сообщили, что жена одного из работников маяка Алевтина Алексеевна Гаврилова родила сына. В общем живем мы и чувствуем себя так же, как живут и чувствуют себя советские люди в любом уголке нашей Родины.

Б. ИЛЬИН

ЗАПОЛЯРЬЕ

Международные отклики

ПОКАЗАНИЯ ПОЛКОВНИКА ШВЭБЛА

В центральной печати опубликованы показания американского полковника Ф. Х. Швэбла, захваченного в плен Народной армией Кореи. Это документ огромной разоблачительной силы, проливающий дополнительный свет на цели, методы и масштабы бактериологической войны, проводимой американскими империалистами.

Факты ведения бактериологической войны удостоверены международными комиссиями ученых и юристов-демократов. В состав этих комиссий входили люди с мировыми именами — итальянский профессор Оливо, английский биохимик Нидхэм, австрийский ученый Брандвейнер и другие. Янки-империалисты были изобличены показаниями военнопленных американских офицеров О'Нила, Инока, Куинна, Нисса; о подлых делах американской военщины народы узнали из выступлений известных общественных деятелей различных стран — Моники Фелтон, Ива Фаржа, Хьюлетта Джонсона, Джеймса Эндикотта и многих других. На днях было опубликовано сообщение комиссии ЦК Единого демократического отечественного фронта Кореи по расследованию злодеяний и определению ущерба, причиненных американскими агрессорами и кликой Ли Сын Мана. В этом сообщении приведены потрясающие факты преступлений янки-интервентов, применяющих в широких масштабах оружие массового уничтожения людей — напалмовые бомбы, бактериологическое и химическое оружие. И, наконец, показания Швэбла еще раз разоблачили преступления агрессоров — организаторов бактериологической войны.

Американские империалисты снова пойманы с поличным. Однако и на этот раз они пытаются отрицать свою вину, стараются уйти от ответа. Командующий войсками ООН в Корее генерал Кларк тщится «опровергнуть» показания своих подчиненных. Не далее как 24 января он заявил, что ни одна из воинских частей вооруженных сил США в Корее не имеет никакого отношения к ведению бактериологической войны. Впрочем, генерал Кларк не ограничился голым отрицанием фактов. Перед лицом неопровержимых доказательств он прибег к увертка м. Он прикинулся провидцем, «предсказав» в недалеком будущем новые вспышки эпидемий, причем причиной этому, по словам генерала, будут не бациллы американского происхождения, а... весеннее снеготаяние.

Но разве эти жалкие увертки припертого к стене американского генерала способны опровергнуть убийственные факты, содержащиеся в показаниях полковника Швэбла? Ведь Фрэнк Х. Швэбл—не рядовой исполнитель злодейских замыслов Пентагона. Он — особо доверенный и хорошо осведомленный офицер, начальник штаба крупной авиационной части военно-воздушных сил США. Из его показания следует, что директива о применении бактериологического оружия была дана американскому командованию в Корее объединенной группой начальников штабов США еще в октябре 1951 года. Смысл этого злодейского плана заключался в том, чтобы, начав бактериологическую войну в Корее в небольших экспериментальных масштабах, в дальнейшем расширить эти масштабы.

25 мая 1952 года, как показывает полковник Швэбл, состоялось совещание штабных офицеров первой авиабригады морской пехоты США, действующей в Корее. На этом совещании бригадный генерал Джером (получивший накануне соответствующее указание от командира 5-го авиасоединения военно-воздушных сил США генерала Баркуса) сообщил, что если до сих пор применение бактериологического оружия сводилось «к бомбардировке случайных объектов с целью охватить всевозможные местности», то теперь имеется директива расширить масштабы бактериологической войны. «Теперь приказано,— сказал генерал Джером,—радикальным образом изменить характер операций! Генерал Баркус заявил, что должен быть создан зараженный пояс, простирающийся через всю центральную часть Северной Кореи, причем 1-й авиабригаде корпуса морской пехоты поручается взять на свою ответственность левый фланг, включая Синаньчжу и Кунури, а также район вокруг этих городов и между ними. Военно-воздушные силы возьмут на себя большую центральную часть от Кунури до пункта, расположенного приблизительно в 30 милях от восточного побережья, а флот возьмет на себя правый фланг. Господа, это означает, что мы переходим к боевой стадии в использовании этого неприятного вида оружия».

24 февраля открылась вторая половина VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В повестку дня включено предложение делегации США провести «беспристрастное» расследование обвинений в использовании бактериологического оружия в Корее. Смысл этого лицемерного маневра ясен. Правящие круги США надеются с помощью послушной «машины голосования» обелить себя, обмануть общественное мнение и уйти таким образом от ответственности за чудовищные преступления в Корее.

Новые доказательства применения вооруженными силами США бактериологического оружия, содержащиеся в показаниях пленного американского полковника Ф. Х. Швэбла, выбивают почву и из-под ног американских дипломатов в ООН. Нет, не удастся американским агрессорам обмануть народы и, укрывшись за очередной фальшивой бумажкой, «одобренной» англо-американским большинством в ООН, избежать ответственности за ведение бактериологической войны!

ЛИТЕРАТОР

К 250-летию со дня рождения В. К. Тредиаковского

Литературная общественность столицы отметила 250-летие со дня рождения выдающегося русского поэта, переводчика, теоретика литературы В. К. Тредиаковского. В Государственном литературном музее вчера, 25 февраля, состоялся вечер, посвященный этой дате.

Профессор Д. Благой рассказал о жизненном и творческом пути Тредиаковского, охарактеризовал его как выдающегося русского писателя. С докладом «Тредиаковский в рукописных песенниках XVIII века» выступил А. Позднеев.

А. ЛЕЖИН,
корр. «Литературной газеты»

ДЕЛА И НРАВЫ БОТАНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Есть на Петроградской стороне, на набережной реки Карповки, укромный академический уголок. Восхищенный сотрудник «Вечернего Ленинграда», побывав там недавно, писал: кругом снег, трещит двадцатиградусный мороз, а сюда «не доходит дыхание холодного северного ветра». Здесь зреют бананы и цветут камелии. Это владения Ботанического института имени В. Л. Комарова.

...Тихо. Не шелохнет, не прогремит. Впрочем, старожилы припоминают, как в 1950 году рядовой сотрудник институтской библиотеки З. Наумова, вопреки установившейся здесь традиции, осмелилась возмутить академическое спокойствие, сказав вслух правдивое критическое слово. Она сигнализировала о серьезных ошибках в руководстве крупнейшей в стране научной ботанической библиотекой, насчитывающей почти 200 тысяч книг. Наумова обращалась в дирекцию, партийное бюро, профсоюзную организацию.

Только в апреле 1952 года (через полтора года!) лед на Карповке как будто тронулся: прибыла авторитетная комиссия, составленная из сотрудников Библиотеки Академии наук СССР. Все, о чем писала З. Наумова, подтвердилось.

...Горы неразобранных книг уже не один год загромождают помещение и недоступны читателю. Социально-экономическая литература комплектуется из рук вон плохо. От предметного каталога сильно отдает космополитическим душком — за каждой рубрикой на первом плане иностранная литература. В большом количестве представлены реакционные «труды» Вейсмана, Моргана, Менделя, а литературе, разоблачающей эти лжеучения, не находится места.

Под рубрикой «И. В. Мичурин» перечислено всего несколько работ великого преобразователя природы. Руководство библиотеки не считает нужным выделить специальными рубриками имена, которыми вправе гордиться каждый русский человек, — Менделеева, Мечникова, Сеченова. Зато в каталоге очень подробно и любовно отражены «труды»... зав. библиотекой Д. Лебедева, в свое время примыкавшего к морганистам, а затем срочно «переквалифицировавшегося» в библиотекаря. Комиссия, проверявшая библиотеку, записала:

«Под специальной рубрикой «Лебедев» собрано свыше двухсот карточек на «произведения» такого рода, как библиографические справки, указатели, мелкие рецензии объемом от маленькой заметки до 4—5 страниц, никакой научной ценности не представляющие для читателя, отнимающие у него лишь драгоценное время».

Комиссия справедливо сделала вывод: состояние библиотеки неудовлетворительное.

Что же предприняло руководство института? Начало оно наводить порядок в библиотеке? Призвало Д. Лебедева к ответу?

С благословения только что назначенного тогда нового директора Ботанического института члена-корреспондента Академии наук СССР П. Баранова в институте была создана своя, институтская комиссия... по расследованию деятельности «чужой» комиссии.

Члены комиссии, в том числе и нынешний секретарь партбюро института Е. Матвеева, отлично знали, что Лебедев—плохой работник. Они были осведомлены о том, что совсем недавно он был снят с должности в библиотеке Академии наук за развал библиотечной работы. Они видели, что в библиотеке Ботанического института царит хаос. Но, несмотря на все это, члены комиссии признали Лебедева «незаменимым», а в подкрепление такой характеристики прибегли к весьма странному делу: они устроили, так сказать, «благотворительный сбор» отзывов в его пользу.

И Лебедев остался в библиотеке, хотя и был понижен в должности.

Наумова же подверглась организованной травле. С ней перестали здороваться, ее объявили клеветницей.

Таково положение в библиотеке Ботанического института. Но, может быть, это только в библиотеке, а не во всем институте?

Институт располагает немалыми научными силами и возможностями. В его стенах работают 38 докторов и 81 кандидат наук. Здесь пишется двадцатишеститомник «Флора СССР». Здесь ведется ряд работ для великих строек коммунизма. Но большие силы и возможности института используются весьма слабо.

Ботаническому институту Академии наук СССР положено быть ведущим среди ботанических учреждений страны. Однако пока он еще не стал таким. Теоретических работ, написанных с позиций мичуринской науки, здесь крайне недостаточно. Настроение определенной части коллектива получило довольно яркое отражение в недавней Записке директора института, члена-корреспондента Академии наук П. Баранова «О состоянии и перспективах развития ботаники в СССР», представленной им в Академию наук. Эта Записка, с которой мы познакомились в институте, пестрит именами зарубежных «авторитетов». В ней принижаются достижения мичуринской биологии, а в известной мере дается даже своего рода амнистия морганистским взглядам, разбитым еще в 1948 году.

Взгляды директора института, изложенные им в «Записке», не являются для многих сотрудников института ни тайной, ни неожиданностью — П. Баранов излагал их не только письменно, но и устно. Излагал, не встречая никаких возражений со стороны сотрудников.

Не беремся с достоверностью объяснить все причины этого странного молчания. Однако не кроются ли они частично и в том, что из 400 сотрудников института 102 состоят в родственных отношениях? На почве семейственности произрастают здесь неразборчивость и беспечность в подборе и расстановке кадров, благодушие, ротозейство, а вместе с тем—и безразличие к научной репутации института.

Как о мелких недочетах, здесь принято, например, говорить о том, что имеются такие научные работники, которые за последние десять лет не написали ни одной научной работы.

Есть факты и другого свойства. На амплуа старшего научного сотрудника в институте до недавнего времени подвизалась супруга одного из министров... Временного правительства!

В отделе растительных ресурсов нашел убежище морганист Мейер Львович Карп. Как теперь выяснилось, он занимался не только вопросами чистой ботаники. Но руководство института об этом представления не имело.

В том же отделе растительных ресурсов чувствовал себя, как дома, Б. Овчинников — типичный Хлестаков от науки, вдобавок с темным прошлым. К проходимцу относились по-свойски, похлопывали его по плечу. Так бы и сидел он в институте на кандидатском жаловании, да проворовался и был пойман с поличным.

Почему терпели Овчинникова-Хлестакова? Не потому ли, что он и его начальник — заведующий отделом растительных ресурсов М. Ильин — женаты на родных сестрах, а работавшая в подчинении у М. Ильина его дочь, старший лаборант Е. Ильина, является женой доктора биологических наук Ан. Федорова? Доктор же биологических наук Ан. Федоров, в свою очередь, доводится родным братом другому доктору биологических наук — Ал. Федорову — заместителю директора института по научной части. Вот и разберись тут, где кончается начальник и начинается родственник.

Был период, когда братья Федоровы, подлинно по-братски разделив сферы влияния, взяли в свои руки почти все управление научной деятельностью института: Ал. Федоров — зам. директора по научной части, Ан. Федоров — ученый секретарь. Другой зам. директора, М. Яковлев, по совместительству являлся... секретарем партийного бюро института.

Что же удивительного, что в институте отсутствует принципиальная критика, обходятся молчанием идеологические ошибки?!

Судя по всему, такая обстановка мало тревожит директора института тов. Баранова. Как руководитель института, он не предпринял серьезных мер к тому, чтобы ее оздоровить. В институте не так давно был организован довольно «пышный» юбилей директора. В двух вариантах отпечатали пригласительные билеты с портретом юбиляра и разослали в разные научные учреждения. На специальном в связи с этим торжественном заседании было заслушано три доклада. Завершился юбилей банкетом в ресторане «Астория»...

* * *

Не кажется ли Академии наук СССР, что ее Ботаническому институту нужна срочная и решительная помощь?

ЛЕНИНГРАД

Эти снимки сделаны в Н-ской гвардейской части в часы солдатского досуга. На снимке слева: солдаты-гвардейцы в библиотеке части. На втором снимке: **гвардии младший сержант Р. Багаутдинов за работой над своей картиной «Солдатская самодеятельность», которую он пишет для гарнизонной художественной выставки.**

Фото Б. ПУШКИНА

ЦЕННАЯ НАХОДКА

ПОВЕСТЬ С. КОВАЛЕВСКОЙ О Н. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Знаменитый русский математик Софья Васильевна Ковалевская была писательницей с широким кругозором. Известно, что ею была написана повесть о великом революционном демократе Николае Гавриловиче Чернышевском. Об этом Ковалевская сообщала 7 октября 1890 года своему другу, польской революционерке М. В. Залесской-Мендельсон:

«Теперь я заканчиваю еще одну новеллу, которая, надеюсь, заинтересует тебя. Путеводною нитью ее является история Чернышевского, но я изменила фамилии для большей свободы в подробностях, а также и потому, что мне хотелось написать ее так, чтобы и филистеры читали ее с волнением и интересом. Я окончу ее через несколько дней, и если ты пожелаешь перевести ее на французский язык, то я пришлю тебе рукопись».

Рукопись эта, написанная более шестидесяти лет назад, до последнего времени считалась утерянной. Однако недавно при разборе в Московском отделении архива Академии наук СССР переписки С. В. Ковалевской было установлено, что рукопись без заглавия, начинающаяся словами: «5 фунтов винограда...», представляет начало повести о Чернышевском. Она состоит из 32 страниц большого формата, переписанных с оригинала, с пропуском отдельных слов (взятых в скобки с припиской «не разобрано»). К сожалению, это лишь часть повести.

Но даже отрывок представляет чрезвычайно большой интерес, потому что он с достаточной определенностью характеризует политические взгляды Ковалевской. Если до сих пор можно было только делать те или иные предположения о ее мировоззрении, то на основании найденного произведения теперь возможно неоспоримо утверждать, что из всех современных ей общественных течений Ковалевская выделяла революционно-демократическое, которое возглавлял Н. Г. Чернышевский.

В повести показаны не только Чернышевский (Михаил Гаврилович Чернов), его жена Ольга Сократовна (Маруся), но и некоторые деятели «Современника» — Некрасов, Слепцов — под своими фамилиями, вымышленный Залесский, «изучающий политэкономию». Ковалевская описывает также окружение «Современника» — женщин, являющихся поборницами равноправия, почитательниц Чернышевского — Надежду Суслову, Корсини, Яковлеву, и обрисовывает значение журнала для мыслящей России того времени.

Повесть Ковалевской важна не только, как новый материал о Чернышевском, но и как свидетельство человека, близко соприкасавшегося с соратниками великого писателя и членами его семьи.

П. ПОЛУБАРИНОВА-КОЧИНА,
член-корреспондент Академии наук СССР

Проходимцы в роли воспитателей...

Сталинград — город, который притягивает к себе молодежь. Героическое прошлое, сегодняшняя романтика грандиозного строительства, великое будущее Сталинграда влекут сюда тысячи юношей и девушек. Со всех концов нашей необъятной страны, оставив «отчий» дом, приезжают они в Сталинград.

Город-герой принимает молодежь гостеприимно и заботливо. Здесь построены десятки молодежных общежитий, которые год от года становятся все лучше, благоустроеннее, уютней.

Но дело не только в том, чтобы устроить молодых рабочих в хорошем общежитии. Отрочество и юность — ответственный период в формировании характера человека. Как важно молодому человеку в эту пору иметь рядом старшего товарища, умного и чуткого, умеющего в нужную минуту подсказать верное решение, предостеречь от ошибки.

Дома это сделали бы родители. А в общежитии? И в общежитии есть такие люди: они называются воспитателями. Понятно, что воспитателями должны работать умудренные жизненным опытом, безукоризненно честные люди, способные воспитывать молодежь на высоких принципах коммунистической морали.

К сожалению, факты говорят о том, что к подбору воспитателей нередко еще подходят более чем легкомысленно. Это ответственное дело доверяют порой случайным, сомнительной репутации людям, а иногда и явным проходимцам.

Осенью прошлого года в общежитии воспитанников ремесленного училища № 3 появился новый воспитатель, некто А. Харитонов. Первое знакомство с ним сразу удивило ребят: наставник был изрядно «навеселе». Он посмотрел на ребят мутным взглядом и доверительно поинтересовался:

— Водку вы пьете?

Отрицательный ответ ремесленников не обескуражил «воспитателя».

— Ничего, научим... — пообещал А. Харитонов.

Нужно отдать ему должное: свое обещание Харитонов начал настойчиво проводить в жизнь. Ремесленники очень скоро убедились в том, что это была единственная область, в которой А. Харитонов чувствовал себя уверенно. Однажды после довольно бессвязного рассказа «воспитателя» о событиях в Каире кто-то из слушателей спросил, где находится этот город. А. Харитонов, немного подумав, глубокомысленно изрек:

— Каир?.. Где-то в Индии...

Харитонов был снят с работы только через несколько месяцев после того, как в пьяном виде подрался с воспитанниками.

Как могло случиться, что невежда и пьяница оказался в роли воспитателя? И как могли разрешить ему долгое время играть эту не свойственную ему роль?

В Сталинградском областном управлении Министерства трудовых резервов в ответ на эти вопросы беспомощно разводят руками. Инспектор по кадрам В. Касьяненко начинает оправдываться тем, что Харитонов будто бы был прислан кем-то из работников горкома партии. Кем именно? Этого она не может вспомнить. Была как будто даже сопроводительная бумажка, но... затерялась.

Откуда взялся Харитонов, что он делал прежде, какова его деловая и политическая характеристика — всё это не заинтересовало ротозеев из областного управления Министерства трудовых резервов.

Мы познакомились с личными делами воспитателей в молодежных общежитиях. Только диву даешься, до чего безответственно, по-ротозейски относятся некоторые работники к оформлению документов. В анкетах можно написать что угодно — никаких доказательств в подтверждение написанного никто не требует. В личных делах большинства воспитателей нет ни справок об образовании, ни характеристик с прежних мест работы — все принято на веру.

Воспитатель общежития школы ФЗО № 17 А. Маклецов почти во всех графах анкеты проставил прочерки, и это вполне устроило работников областного управления. Один из воспитателей молодежного общежития завода «Красный Октябрь» в графе об образовании написал: «Самообразование». И это всех удовлетворило.

Иногда ротозейство доходит до того, что, даже зная о полной непригодности работника, его все же используют в качестве воспитателя молодежи. Т. Варакина прибыла в Краснооктябрьский район с весьма нелестной репутацией: за неблаговидное, аморальное поведение в быту она была снята с работы в Средне-Ахтубинском районе Сталинградской области. Несмотря на это, ее назначили директором клуба строителей Краснооктябрьского района. Но и отсюда скоро пришлось ее снять. Однако это не помешало работникам райкома партии с легким сердцем допустить Варакину к работе в молодежном общежитии.

На новом месте Варакина проявила себя, как полностью разложившийся человек, не заслуживающий никакого доверия. А ей доверили работу с молодежью. И только после настойчивых и многократных требований ее убрали из общежития.

Все эти факты можно объяснить только легкомыслием и ротозейством некоторых ответственных работников. Мы уже назвали одного из таких ротозеев—инспектора по кадрам областного управления Министерства трудовых резервов В. Касьяненко. Наряду с ней полную меру ответственности несет, конечно, и начальник этого управления А. Карпунин.

Нельзя мириться с подобными фактами. Ротозеи, допускающие к важнейшему делу воспитания молодежи проходимцев, морально нечистоплотных людей, должны быть сурово наказаны.

Е. ЧИСТЯКОВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ХОЗЯЕВА ВОДЫ»

Под таким заголовком 24 января 1953 года была опубликована в «Литературной газете» корреспонденция А. Кременского. В статье критиковалось Туркменское геологическое управление (начальник Л. Смирнов, главный инженер В. Матвеев, заместитель начальника по политической части Л. Дроздов).

Зам. министра геологии СССР тов. Г. Богомолов сообщил редакции, что на коллегии министерства был заслушан доклад вызванного в Москву главного инженера Туркменского геологического управления В. Матвеева. Коллегия, признав основательной критику в печати, указала руководству Туркменского геологического управления на крупные недостатки в его работе. Коллегия обязала Туркменское геологическое управление улучшить руководство экспедициями. Принято также решение об укреплении руководства Туркменского геологического управления и оказании ему помощи кадрами и материально-техническими ресурсами.

В течение месяца намечено провести в Ашхабаде совещание работников управления вместе с инженерно-техническими работниками экспедиций.

* * *

Бюро первичной партийной организации Туркменского геологического управления, ознакомившись с фактами, изложенными в статье «Хозяева воды», также признало правильной критику недостатков в работе управления. Заместитель начальника Туркменского геологического управления тов. Дроздов и секретарь первичной партийной организации тов. Богданов сообщили редакции о том, что приняты меры к устранению недостатков.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ФЕЛЬЕТОНЫ-РАССКАЗЫ

Для хорошего газетного фельетона необходим хороший факт. Умело выбрать факт—уже само по себе большое искусство. Но этого мало. Фельетонист обязан поднять факт—частный случай — до степени общественного явления.

Классические образцы злободневных газетных фельетонов оставил нам В. Маяковский. Они созданы в период его работы в «Комсомольской правде». Они живут и сейчас. Больше того. Перенесенные из газеты в собрание сочинений, фельетоны Маяковского приобрели новое звучание. Для них началась вторая жизнь. Они выдержали испытание временем. Это произошло именно потому, что Маяковский не только умел выбирать факты, но и поднимал их до степени общественного явления.

В области создания острого газетного фельетона **Сем. Нариньяни** пошел по пути В. Маяковского, и этот путь привел его к серьезной творческой удаче. Персонажи его книги **«Фельетоны»** («Советский писатель». М. 1952 г. 159 стр.) почти всегда типичны. Характеры жизненны, достоверны. Глаз Нариньяни зорок. Под благопристойной маской он легко обнаруживает лицо стяжателя, эгоиста, обывателя. Тогда его перо делается беспощадным. Не сгущая красок и оставаясь внешне бесстрастным, Нариньяни разоблачает скрытые пороки и выводит их на суд общества.

С. Нариньяни редко смеется. Он улыбается. Но это улыбка не юмориста, а сатирика. Ирония. Сарказм. Нариньяни пишет преимущественно на бытовые темы. Вопросы морали и этики занимают ведущее место в его творчестве. Он неутомимо борется с пережитками прошлого в сознании советских людей. Он ставит к позорному столбу носителей чуждой нашему обществу частнособственнической, мелкой, обывательской, торгашеской идеологии.

«Растиньяк из Таганрога», «Рядом с нами», «Таким говорят: «Нет!», «Деревянное сердце», «Друг до первой беды» — все эти сатирические этюды с натуры являются прекрасными образцами газетно-фельетонного жанра.

Однако Нариньяни—не только разоблачитель. В нашей жизни гораздо больше светлого, чем темного. Бичуя темные стороны быта, Нариньяни, как настоящий художник, не может не видеть того светлого, нового, что присуще нашему обществу. Тогда глаза Нариньяни делаются добрыми. Ирония и сарказм уступают место светлой улыбке.

Я не знаю, как назвать небольшую, всего в пять страничек, вещицу под названием «В родной семье». Если это и фельетон, то во всяком случае фельетон какого-то нового типа, фельетон лирический. В нем Нариньяни дает беглый, но тем не менее глубоко типический образ депутата Назара Григорьевича Кузменко, в полном смысле слова нового человека, избранника народа.

Несколько фельетонов посвящено детям. Здесь Нариньяни показывает новую черту своего дарования: тонкое проникновение в детскую психологию. Здесь Нариньяни уже не сатирик, не строгий разоблачитель и судья. Здесь он — нежный отец, старший брат. Его улыбка делается лукавой, веселой, заразительной. И, глубоко заглядывая в душу своих маленьких персонажей, Нариньяни находит в них столько неожиданно нового, что невольно задаешь себе вопрос: почему до сих пор Нариньяни не написал ничего специально для детей? Я уверен, что это у него получилось бы чудесно.

Следует заметить, что в некоторых «позитивных» фельетонах Нариньяни впадает в совершенно ему не свойственный сентиментализм. Но, оговариваюсь, это случается лишь иногда. Случается также, что, желая выйти из своего жанра, Нариньяни покушается на так называемый «чистый юмор». Это у него выходит значительно хуже. История о старом ученом с мировым именем, который сбегает из больницы на футбольный матч («Человек из «орлиной ложи»), не поднимается выше банального анекдота, хотя и довольно забавного, но пустого.

В книге С. Нариньяни всего двадцать восемь фельетонов. Повидимому, автор очень строго отбирал их. Это делает ему честь. Зато и книга вышла хотя и небольшая, но «весомая». Все эти фельетоны в свое время печатались в газетах, преимущественно в «Комсомольской правде». Теперь, попавши в книгу, они не потускнели, не поблекли. Из фельетонов они превратились, если так можно выразиться, в фельетоны-рассказы, небольшие, острые новеллы, имеющие большой успех у читателей, особенно у молодых.

Валентин КАТАЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО САЯНАМ

Эта книга **(Г. Федосеев. «Мы идем по Восточному Саяну». «Молодая гвардия»,** 1952 г. 262 стр.) написана бывалым человеком. Григорий Анисимович Федосеев, инженер-геодезист, более двадцати лет занимается изучением неисследованных районов Советского Союза. Пятнадцать лет своего труда он посвятил Сибири, возглавляя ряд экспедиций Новосибирского аэрогеодезического предприятия.

«Мы идем по Восточному Саяну» посвящена одной из таких экспедиций. Главное достоинство книги в том, что она заражает молодого читателя жаждой походов, путешествий, и это несмотря, а, может быть, именно благодаря тому, что автор очень правдиво и конкретно рисует трудности, встающие на пути участников экспедиции, идущей по таким дебрям, где еще не ступала нога человека. Чего только не приходилось переживать путешественникам-геодезистам в борьбе со стихией, с дикой природой. Бури, дожди, ветры, разливы рек, холод, жара — все приходилось им преодолевать. Вот они, голодные и оборванные, напрягая последние силы, идут к своей резервной базе, где хранятся продукты, обувь, одежда. Подойдя к лабазу, видят страшную картину: мука, масло, соль, махорка, цемент, сахар — все перемешано, обильно смочено дождями, утоптано лапами зверей. Одежда сгнила, обувь изгрызена, изорвана в клочья, трава и деревья вокруг покрыты мучной пылью. Это медведи разорили лабаз и поставили путешественников в безвыходное положение. Не раз погибали плоты с продуктами на порожистых реках.

Г. Федосеев очень точно формулирует особенности повседневного труда участников различного рода экспедиций: «...работа в экспедиции вообще тяжелый труд. Человек, отправляющийся в далекое путешествие, должен знать многое и уметь многое делать, чтобы обойтись без посторонней помощи. Непросто спастись ночью от мокреца, починить обувь, разобраться в следах своего каравана, сохранить горящий уголь на сутки, разыскать брод через бурную реку или сделать кладки через нее, определить без компаса север в пасмурный день, поймать рыбу, заседлать лошадь, содрать с дерева кору и соорудить из нее балаган, заснуть у костра, найти воду, испечь лепешки и многое, многое другое. Только люди, глубоко любящие и понимающие природу, чувствуют себя в экспедиции легко, и их работа полна неподдельного энтузиазма».

Это чувство неподдельного энтузиазма владеет участниками экспедиции. Автор с любовью рисует образы своих спутников, геодезистов и проводников, глубоко любящих и понимающих природу, все умеющих делать своими руками. Мы запомним охотника-следопыта Прокопия Днепровского, старого таежника Павла Зудова, повара Алексея Лазарева, бурята Шейсрана Самбуева, Михаила Бурмакина, геодезиста Трофима Пугачева. Прокопий Днепровский во многом похож на Дерсу Узала, увековеченного в литературе В. Арсеньевым. Днепровский — врожденный таежник. Его способность читать в тайге «незримые» следы зверей и птиц поразительна. Он не падает духом в самые трудные дни испытаний, не теряется при внезапной встрече с медведем.

Читая книгу, чувствуешь несомненную литературную одаренность автора. Это сказывается и в языке, точном и лаконичном (о чем можно судить и по приведенным отрывкам), и в умении отбирать нужные детали, и в портретных характеристиках людей, и в описаниях саянской природы.

Но, несмотря на все эти достоинства, читающего не покидает ощущение, что книга дает все-таки меньше, чем могла бы дать. Да, автор хорошо описал быт путешественников, природу далекого края; его наблюдения над жизнью медведя, лося, кабарги, соболя, оленя представляют интерес и для рядового читателя и для ученого-зоолога. Охотничьи эпизоды превосходны сами по себе, но ведь книга эта — не сборник охотничьих рассказов, да и экспедиция отправлялась в Саяны не для охоты. Перед ней была поставлена большая задача: создать геодезическую основу для точнейшей карты, нанести на «белые пятна» карты рельеф, природу, течение рек, дать ясное представление о большом горном районе Саян. И вот этого главного, чем занималась экспедиция, в книге нет. Нет научных догадок, размышлений, открытий, нет осмысления цели и значения экспедиции, обобщения мелких повседневных наблюдений геодезистов. И отсутствие всего этого существенно снижает ценность произведения Г. Федосеева. Хотелось бы, чтобы автор учел это обстоятельство в работе над новыми книгами о своих интересных путешествиях.

Ив. АРАМИЛЕВ

ПОВЕСТЬ О СТРОЙКЕ СОЦИАЛИЗМА

«Два года назад Новая Гута была лишь чертежом, проектом, расчетами цифр на листах бумаги. Сегодня — это город. Город труда и учебы, жизни, радости и любви», — Так пишет польский писатель **Мариан Брандыс** в эпилоге своей книги **«Начало повествования»** (Издательство иностранной литературы. Москва. 1952 г. 194 стр.), завершая рассказ о двухлетней истории строительства Новой Гуты — гигантского металлургического комбината и города, одной из крупнейших строек социализма в новой Польше.

Рассказ о том, что и как строится в Новой Гуте, документальный, подробный и увлекательный, не заслонил тех, чьим самоотверженным трудом создается комбинат. Строители Новой Гуты все время на переднем плане книги. И одна из ее главных тем — воспитание социалистического сознания.

...С первых же дней строительства города коммунист каменщик Валящик выступил инициатором нового метода труда. Старый мастер, он пользуется большим авторитетом среди рабочих. Он борется не только за новые методы труда, но и за нового человека. Немало усилий он приложил, чтобы перевоспитать мастера Малягу.

Тяжелая жизнь, полная лишений и непосильного труда, ожесточила и озлобила Малягу. Скептически смотрит он на перемены, совершающиеся в послевоенной Польше. Искусный каменщик, но привыкший работать по-старинке, он оказывается во главе «консерваторов», выступивших против начинания Валящика. По предложению партийной организации между новатором и его главным противником был устроен «трудовой поединок». Маляга, несмотря на свое мастерство, оказался побежденным в соревновании. На примере Маляги Брандыс показывает, что борьба за нового человека — дело не простое. До самого конца повести Маляга внешне остается таким же колючим человеком, ворчуном. Но под влиянием мастера Валящика, под влиянием всей жизни на строительстве—в его сознании происходят глубокие перемены. Гордый сознанием исполняемого долга, он пишет (сам, впервые в жизни) жене: «...работаю для Польши и для нас».

Но главные герои повести Брандыса — это молодые строители Новой Гуты.

...Жизнь Яна Кубика началась заново с того дня, когда он, маленький забитый батрачонок, с восторгом помогал инженеру и технику прокладывать трассу будущей дороги. Янек, как и другой совсем юный герой — Генрик Почай, как и тысячи молодых строителей Новой Гуты, полон замыслов и планов, и эти мечты и планы имеют одну общую особенность—они исполняются.

Янек мечтает строить Новую Гуту и становится строителем. Помогая каменщикам, он мечтает уже о том времени, когда будет сталеваром, а уезжая в числе первых на курсы сталеваров, он в глубине души уже лелеет мысль стать инженером.

«Замечательным, чудесным и мудрым в Новой Гуте было то, что вместе с ростом ее стен росли новые люди,—пишет автор.— Это было явление, новое в своей основе, определенное самым характером великой стройки».

С первого же дня строительства Новой Гуты вокруг него разгорелась острая классовая борьба. Враг действовал и в открытую и исподтишка. Но с каждым днем росло организованное сопротивление рабочих классовому врагу, росли их бдительность, их политическая сознательность.

Разоблачая звериную сущность врага и его подлые методы, книга Брандыса показывает неодолимую силу нового, которое закаляется и побеждает в борьбе с отживающим.

Следует, однако, отметить, что Брандысу не всегда удается дать глубокую характеристику врагов новой Польши. Примером тому может служить образ вредителя и саботажника Новака. Этот образ был бы значительно полнее, если бы писатель показал, как далеко тянутся нити, связывающие Новака и ему подобных с истинными вдохновителями и организаторами подрывной работы.

Несмотря на эти отдельные недостатки, «Начало повествования»—талантливая книга, рассказывающая о том, как в труде и борьбе рождается новая Польша, символом которой является строящаяся социалистическая Новая Гута.

А. ПИОТРОВСКАЯ

СНОВА ДОМА...

Дома! Кому не знакомо радостное чувство возвращения в родной дом?.. Когда так дорога каждая мелочь, когда выцветшая фотография или цветок на окне рождают столько воспоминаний... Мы знакомимся с героями книги **Нины Поповой «Зрелость»** (Свердловск, 1952 г., 224 стр.) именно в эту чудесную минуту. И мы воспринимаем их радость еще глубже и полнее потому, что в этом доме выросли не только Радомир и Саня — теперь уже возмужавшие, взрослые люди, — это родной дом сотен детей, которые были обречены войной на одиночество и сиротство. Но страна сберегла их детство, создала им семью, большую и дружную, окружила их людьми умными и добрыми.

С первых строк книги мы ощущаем дыхание нашего времени, его неповторимые черты. Отчетливее всего они проявляются в чувствах героев: в их отношении к труду, в органической связи с коллективом, в крепкой дружбе, в бережном отношении к матери, в чистой любви к девушке. Героев этой книги привел к нам человек с внимательными и добрыми глазами. Они рожде-

Арам ГРИГОРЯН, Зия БУНИЯТОВ

„ТЕГЕРАН“

Наступили небывалые времена... Холодом скован теплый край. Бездомные люди жмутся у костров. «В большом городе с его роскошными дворцами, ресторанами и кафе, наполненными разодетыми господами, эти полунагие нищие казались изгнанниками, бродящими в поисках крова и пищи».

Страною правит Реза-шах. Восточный тиран «новой формации», продающий независимость народа за доллары, фунты, марки тому, кто больше заплатит. Он не в восточном халате,— на нем военный мундир. В руках у него не скипетр, а толстый карандаш.

Реза-шах занят подсчетами, ему нужны «деньги, наличные деньги!..» Для этого он поступается независимостью страны, ее национальными богатствами. Он думает лишь о том, кому бы выгоднее продать: американцам, немцам или англичанам... Продажность — основа политики феодально-буржуазной клики, правящей страной. Реза-шах окружен жадными, корыстными министрами, торгующими родиной. Как и сам шах, каждый из них действует в своих личных интересах. Одни танцуют под дудку Англии, другого кормят американцы, третьего купил Гитлер. Иранский народ страдает под гнетом нищеты, а золото течет в карманы правителей. Но народ не желает мириться с такой судьбой. Он хочет быть хозяином собственной страны и поднимается на борьбу.

Борьба иранского народа с темными силами реакции — вот что составляет главное содержание романа, его сюжетную основу, вот что движет его действие. В правдивом изображении этой борьбы — живая сила произведения армянского писателя Гарегина Севунца «Тегеран» *.

Действие романа начинается накануне второй мировой войны и заканчивается в дни Тегеранской конференции. Правдиво и порой с большим мастерством показано в книге соперничество империалистических хищников, интриги, драка за иранскую нефть, разоблачается их стремление превратить Иран в плацдарм военных действий против страны Советов. Сатирическими красками писатель рисует продажных иранских правителей. По своему моральному, вернее, аморальному, облику эти люди похожи друг на друга, как комья грязи, хотя каждый из них имеет свои особенности, своего «покровителя».

Вот премьер-министр Сиафуш — доверенное лицо шаха и наиболее корыстный из его министров. Сиафуша путем подкупа и интриг прибирает к рукам один из самых изощренных иностранных агентов — американец Бентон. Премьер-министр делает то, что ему приказывает эмиссар Уолл-стрита. Сам Бентон самоуверен, нагл, циничен, когда распоряжается министерской челядью. Но в то же время он жалок и труслив перед лицом растущего в стране народного движения. Недаром Бентон свел «дружбу» с начальником тайной полиции Хосровом Хаваром и превратил его в своего лакея. Сделавшись фактически главою тайной полиции Ирана, Бентон надеется помешать росту антиимпериалистических настроений в массах простых людей. Хавар — достойный «друг» и ученик американского шпика. Он столь же циничен, нагл и труслив, а его дом — образец лакейского подражания «американскому образу жизни».

Сын другого государственного деятеля, генерального прокурора, Хосейн Намвар — настоящий дегенерат, воспитанник гитлеровского шпиона Мейера, «друга» своего папаши. Если Хавар — лакей Бентона, то прокурор Намвар — преданный слуга Мейера, насаждавшего в Иране нацизм и национальную вражду.

Но настанет день, когда иноземные резиденты сорвут с себя маски «друзей» и «покровителей». Хавар разоблачен народом. Бентон больше не нуждается в его услугах, и Хавара «убирают» с дороги. Столь же хладнокровно и Мейер достает из своего перстня яд для Намвара.

Бесславен и конец супругов Зехтаби. Джамшид Зехтаби, председатель Совета по делам высшей школы, служит английской разведке. Он — предатель, убийца и тиран, зверски подавляющий крестьянские волнения.

Зная, что Зехтаби служит англичанам, Бентон вербует на службу американской разведки жену Зехтаби — красавицу Мадинэ. Бентон заставляет Мадинэ сблизиться с Сиафушем в интересах американцев, а муж толкает ее в объятья того же Сиафуша, уже в угоду англичанам.

У людей, торгующих независимостью родины, нет ни любви, ни семьи — ничего святого.

Хозяйничают чужеземцы на плодородной и богатой земле Ирана. Сосут ее соки. Сосут силы народа. Не в их интересах дать стране возможность итти своим путем, развивать национальную промышленность, культуру.

Севунц правдиво раскрыл глубину и остроту противоречий, раздирающих лагерь чужеземных захватчиков, чьи интересы столкнулись в Иране. Но в то же время, в согласии с правдой жизни, он показывает, что лагерь империалистов единодушен в борьбе против народа, против его демократических деятелей. Ширится народное движение. Лучшие сыны Ирана становятся его руководителями. В условиях полицейского террора они создают подпольную организацию, печатают листовки, издают журнал. Крепнет единство рабочего класса Ирана. Стихийное крестьянское движение начинает вливаться в русло общей организованной борьбы. Демократическая печать разоблачает преступную деятельность правительства и иностранных агентов.

Душа этого движения — Шэмс Азади, выдающийся ученый, физик-материалист. Он никогда не был в Советском Союзе. Но великие идеи марксизма-ленинизма овладевают умами миллионов передовых людей во всем мире. К числу таких людей относится и Шэмс Азади — руководитель демократической организации «Проспект свободы». Он — достойный сын своего свободолюбивого народа, наследника древней культуры. Азади — любимец студентов. Бесстрашно разоблачает он тех «ученых», которые служат интересам колонизаторов.

Правительство бросает Азади в тюрьму. Инсценируется гнусный процесс. Однако вопреки воле организаторов процесса Азади и его друзья из обвиняемых превращаются в обвинителей. Трибуну суда Азади использует для того, чтобы во всеуслышание заявить о непобедимости идей марксизма-ленинизма, о непобедимости народа. Он говорит:

«Пусть небо Тегерана покрыто сегодня мглой — завтра засияет солнце и рассеется тьма! Недалек уже день, когда и над нашей несчастной страной засияет светлое солнце справедливости!»

Но Азади не пришлось дожить до этого дня. Он погибает в тюрьме, зараженный тифом...

Чудесна о многом говорящая сцена, когда старая мать Шэмса Азади просит передать приехавшему на Тегеранскую конференцию товарищу Сталину книгу своего сына «Сталинское учение о нации».

Шэмс Азади неизменно учил своих друзей мужеству. Он говорил: «Если даже я буду убит в этом бою, мои товарищи будут продолжать борьбу. А врагам света и свободы... темным силам, которые стоят за ними, все равно не погасить разгорающегося пламени великой борьбы».

И после смерти руководителя ряды организации сплотились еще теснее. Новые люди пришли в нее. Среди них Сурия — девушка, любимая Шэмсом.

Убедительно, жизненно правдиво нарисованы Севунцом образы ближайших друзей Шэмса — подпольщика Тиграна и редактора демократической газеты Шокката, который после гибели Азади становится руководителем организации. С любовью выписаны Севунцом многие образы рабочих, крестьян, студентов. Автору удалось показать непрерывно нарастающую силу освободительного движения иранского народа. Хорошо показан в романе и провал гитлеровских планов превращения Ирана в военный плацдарм против Советского Союза. Нельзя без волнения читать сцену встречи населения с войсками Советской Армии. Верность жизненной правде придает книге Севунца большую силу.

Но книга эта, содержащая обширный и интересный познавательный материал, поднимающая политически острую и важную тему, имеет ряд недостатков. Роман чересчур растянут. Местами главное заслоняется в нем второстепенным. Отсюда композиционная несобранность произведения. Автор увлекается ложной занимательностью. Зачем, например, понадобилось ему так подробно рассказывать об оргиях у Давар-хана? Подобные эпизоды придают повествованию оттенок детектива.

Нередко автор слабо разрабатывает психологический рисунок изображаемого образа, не прослеживает до конца судьбы многих персонажей романа.

Больше глубины и многогранности хотелось бы видеть и в образе главного героя, очень интересно задуманном и очерченном автором. Азади любит Сурию. Но почему писатель не уделил больше внимания его внутреннему миру? Разве это умалило бы образ революционера? В период пребывания Азади в тюрьме он как бы уходит из поля зрения читателя. Тем самым ослабляется сюжетное развитие книги.

Насколько правдиво, психологически тонко нарисован обаятельный образ врача Мошара, представителя лучшей части иранской интеллигенции, верной интересам народа, настолько психологически неубедителен, неоправдан приход в лагерь демократии его младшего сына Рашида. Правда, он сидел в тюрьме, в обществе передовых людей,— логически факт его перевоспитания понятен, но психологически не раскрыт.

Эти и подобные им недостатки можно было устранить в процессе подготовки книги к изданию. Оставшись неустраненными, они ослабляют впечатление от многих страниц этого в целом интересного произведения.

* Гарегин Севунц. «Тегеран» (роман в двух частях). Авторизованный перевод с армянского А. Садовского и Арусь Тадеосян. «Советский писатель». Москва. 1952 г.

Научно-исследовательский институт стройматериалов Белорусской ССР разработал новый вид архитектурной майолики, которая применяется для украшения фасадов зданий, строящихся в Минске. Пробную партию украшений выполнили Копыльский изразцовый и Минский черепичный заводы. НА СНИМКЕ: научный сотрудник института В. Кунашкевич за окраской медальона «Голубь мира» из майолики.

Фото С. ВАСИНА

Об одной несостоявшейся дискуссии

Совет Московского Дома кино и Комиссия по кинодраматургии Союза советских писателей задумали своевременное и важное дело: обсудить вопросы развития советской кинокомедии, поговорить о том, какими должны быть комедийные киносценарии и как организовать их приток, как увеличить производство комедийных фильмов.

Однако хороший замысел организаторов дискуссии не получил должного осуществления. Перед дискуссией в Доме кино было показано несколько советских кинокомедий. Следует отметить случайный отбор фильмов, не позволяющий представить исторически путь развития жанра; организаторы дискуссии не позаботились о том, чтобы фильмы были вдумчиво проанализированы участниками предполагаемого обсуждения. Режиссеры, сценаристы, актеры и критики, приглашенные на конференцию, не были заблаговременно ознакомлены с тезисами доклада, подготовленного Г. Александровым.

К сожалению, все это не были случайные «организационные неполадки». Проведение конференции показало, что устроители отнеслись к задуманному ими самими нужному делу крайне несерьезно, поверхностно.

Рабочее время конференции, на которой могли и должны были быть подняты многие насущные вопросы, оказалось ограниченным всего лишь... четырьмя часами. В первый день два часа было уделено на заслушивание доклада. Во второй — в остальные два часа уложились все прения. Надо сказать к тому же, что на обоих заседаниях председательствующие усиленно напоминали о необходимости уложиться в сжатое время, ибо надо еще «успеть просмотреть новые фильмы» (кстати, непосредственно с дискуссией не связанные).

В докладе Г. Александрова были затронуты важные вопросы развития нашей кинематографии (хотя, к сожалению, главным образом это были вопросы организационные), и, несмотря на недостаточное освещение теоретических вопросов жанра, доклад мог стать предметом широкой и серьезной дискуссии. Но большинство выступлений в прениях носило случайный, нецелеустремленный характер. Выступавшие не стремились к живому, конкретному разбору комедийных сценариев и фильмов, не пытались рассмотреть творческие причины неудач того или иного кинодраматурга, режиссера, не анализировали положительные примеры советской кинокомедии. В обсуждении приняло участие всего лишь восемь человек, которые, естественно, далеко не исчерпали вопросов, связанных со сложной творческой проблемой кинокомедии. В работе конференции не участвовали многие крупные режиссеры и писатели, выдающиеся комедийные актеры.

Так серьезная и нужная творческая конференция была превращена в очередное формальное «мероприятие» и оказалась, по существу, несостоявшейся.

ПЛАМЕНЬ САТИРЫ

Исследователи творчества Аугуста Якобсона отмечают даже в самых ранних его произведениях, созданных еще в буржуазной Эстонии, одну примечательную черту. Сын рабочего и сам в юности рабочий, он с горячей страстью, с глубоко прочувствованной личной ненавистью разоблачал и осуждал звериный инстинкт собственности. Но рассматривая инстинкт собственности, как некую биологическую страсть, он не видел социальных причин всех уродств капиталистического общества, всех бед, терзаний и несчастий людей труда. Только новая жизнь в Советской Эстонии, только партийность в оценке жизненных явлений принесли писателю, обладающему острой наблюдательностью, способность широко обобщать явления жизни, давать им точную и ясную политическую окраску в своих произведениях.

Пьеса Аугуста Якобсона «Ангел-хранитель из Небраски», напечатанная во втором номере журнала «Звезда», названа драматической сатирой. Она по праву — драма, ибо остры и драматичны показанные в ней события; она по справедливости — сатира, потому что в ней есть главная примета высокого сатирического искусства: обличительная острота стиля писателя, гневно и страстно бичующего самые омерзительные пороки отживающего капитализма. Не частный случай, не отдельная человеческая судьба в основе пьесы, а собирательные, гиперболические, почти до гротеска заостренные и в то же время глубоко жизненные **типы**, которые действуют и служат автору поводом для глубоких идейных обобщений.

В самом деле, разве не жизненно достоверный образ и в то же время очень распространенный в сегодняшнем капиталистическом мире тип — главный герой пьесы Теодор Натан Трумэн из Небраски. Для американского политического дельца у него просто классическая биография. Он родился в штате Небраска, в городе Омаха на берегу Миссури. До пятнадцати лет торговал абсолютно всем, чем можно торговать на улицах. Был боксером. Показывал аттракцион — глотал макароны длиной в сорок метров. Преподавал священное писание в воскресной школе. Семь лет был шерифом на диком Западе — другом и покровителем гангстеров. Был городским головой в Омахе. Во время войны ездил к Круппу для переговоров с важными персонами. Этой школы оказалось вполне достаточно для того, чтобы однофамильца и дальнего родственника президента послали в Европу внедрять «американский» образ жизни»...

Якобсон ярко показывает не только тех, кто это делает, но и то, как действуют там американцы. Действие пьесы происходит в маленьком городке одной, судя по всему, скандинавской страны. Сюда приезжает мистер Трумэн в качестве культурного представителя Соединенных Штатов Америки и Объединенных Наций. Мы впервые встречаемся с ним в доме Самуэля Сунне — владельца и главного редактора социал-демократической газеты. И не напрасно писатель ввел гангстера, представляющего американскую культуру, в дом социал-демократа, проповедующего сотрудничество труда и капитала! В гостиной редактора Сунне столкнулись откровенный человеконенавистник и палач и люди, дошедшие до последнего предела нравственного падения, потому что они — лакеи палачей.

Талант писателя, его политическая зоркость и знание нравов послевоенной Европы помогли ему с большой художественной силой показать образы социал-предателей **одной страны**, как типическое явление **всего буржуазного Запада**. Редактор Сунне, городской голова, фабрикант, местный партийный туз Гуннар Ханзен, их жены, их прихлебатели — все они с восторгом внимают американскому «защитнику культуры», положившему в мещанской столовой ноги на стол. Он приехал «защищать демократические свободы от коммунистической опасности» и знакомить европейцев с американским образом жизни! Ему подражают, ему аплодируют, у него огромный успех в доме, хозяин которого, разбогатевший с помощью предательства, называет себя «пролетарским капиталистом».

Но покорность и угодливость не спасают редактора и «теоретика» Сунне. Мистер Трумэн — гангстер и грубый практик. Он привык действовать и добывать деньгу. События разворачиваются стремительно: американец по праву сильного отнимает у Сунне газету, дом, наконец, жену. Он совершает темные махинации, спекулирует, с помощью бандитов «убирает», утопив в пруду, мешающего ему банкира. И, кажется, ничто не мешает ему ввести в городе американские порядки...

Но он не знал народа этой страны. Совершив одну из своих жульнических проделок, Трумэн попадает в руки трудовых людей — женщин и подростков — и едва уносит ноги. У него шишка на лбу и оторванная штанина.

Народ против трумэнов! Вот закономерный вывод, к которому приводит нас драматург.

Таковы в общих чертах содержание и художественные достоинства пьесы Якобсона. Но если судить его произведение по законам, которые он сам для себя создал и которые вытекают из избранного им жанра, станут ясны и некоторые недостатки его пьесы. Один из них состоит в том, что, желая донести острую сатирическую мысль, драматург порою становится несколько прямолинейным. Так, думается, что образ Трумэна должен быть более многогранным. Великолепно показав его грубое хищничество, жадность и неотесанность, писатель мог бы в этом образе раскрыть и другие черты идеологов американской агрессии: ханжество, лицемерие, мнимое человеколюбие.

Вот этого свойства — различных проявлений пусть даже одного чувства — иногда не хватает героям пьесы. Гуннар Ханзен и Самуэль Сунне немногим отличаются друг от друга — они одинаковы в своем подобострастии, одинаковы в безропотной покорности. А ведь каждый лакей подобострастен по-своему...

Надо сказать, что силы, противостоящие американским империалистам и их лакеям, слабо показаны в пьесе. Если не считать мелькнувших в эпизодах прислуги Катрин, журналиста Мартенса, садовника Бенте и его брата Ола-безработного,— простые люди не выведены в пьесе. Только за сценой раздается их гневная песня.

Таким образом движущей силой сатирического обличения в пьесе Якобсона являются междоусобица и самообнажение персонажей отрицательных. Такой прием имеет все права на существование, и во многих случаях он приводит к блистательным результатам. Например, когда Анкер Анкерсен зло иронизирует над собой и над Трумэном, а тот принимает его шутки за чистую монету. Но плохо, когда американский эмиссар выбалтывает, как простачок, все свои хищные замыслы, никем и ничем к этому не понуждаемый.

Однако такие промахи редки. Драматургу удалось главное — то, что и делает его сатиру неотразимо сильной, беспощадно разящей, идейно нацеленной. При небольшом количестве действующих лиц он показал в них **качества многих**, показал **типы** американских хозяев и типы их лакеев, очень распространенные в сегодняшней жизни капиталистического Запада.

В. СУХАРЕВИЧ

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

БАКУ. (Наш корр.). Десятого марта исполняется 75 лет со дня смерти великого азербайджанского писателя, философа-материалиста Мирза Фатали Ахундова. Эта дата будет широко отмечена в республике.

Состоятся расширенный пленум союза советских писателей Азербайджана и сессия республиканской Академии наук, участники которых заслушают несколько докладов о жизни и творчестве писателя. В школах, вузах, на нефтяных промыслах и крупных предприятиях, в колхозах писатели и ученые прочтут доклады о творчестве Ахундова. Во всех театрах республики будут даны постановки бессмертных комедий Ахундова.

Государственное издательство республики завершает в этом году издание трехтомного собрания сочинений писателя.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

☆ **Отчет редакции** газеты «Літаратура і мастацтва» был заслушан на совместном заседании президиума и бюро партийной организации ССП Белоруссии. Главный редактор газеты В. Витка признал, что партийная печать правильно критикует газету. С обзором газеты выступили В. Вольский, Ю. Пширков и А. Кучар, указавшие на отсутствие теоретических статей по вопросам литературы, серость многих материалов. Мало квалифицированного разбора произведений современной белорусской литературы. Часто выступления газеты носят захваливающий характер. На страницах газеты не развернута острая принципиальная критика недостатков белорусской литературы, газета не выступает против благодушия и ротозейства.

☆ **Орловское литературное объединение** и областная библиотека имени Н. К. Крупской организовали конференцию читателей по обсуждению четвертой книги «Орловского альманаха». В обсуждении приняли участие преподаватели учебных заведений, специалисты сельского хозяйства, партийные работники, студенты. Они отмечали серьезные недостатки в идейном и художественном содержании альманаха, малое количество очерков о знатных людях Орловщины, недооценку редакцией сатирического жанра.

ны правдой жизни, и, следуя этой правде, Н. Попова увидела не только легкое и светлое. Она увидела, как на прямом пути Радомир встречает трудности, ошибается. Увидела, что тот же самый детский дом, который вырастил чудесных юношей и девушек, не сумел изменить замкнутую, эгоистичную, легкомысленную Евгению, победить порочное влияние семьи. И писательница поставила перед собой большую, серьезную задачу: показать, как идет борьба за самое ценное — за духовный облик советского человека.

Но здесь Н. Попова погрешила против жизненной правды. Одно комсомольское собрание, один разговор, и Радомир вновь становится «хорошим». Допустим, срывы его были случайны, рождены порывистым характером юноши, дурными влияниями... Но Евгения? Неужели несколько месяцев работы на заводе смогли превратить эту женщину в прекрасного работника, человека? Не верится в это! Не верится и потому, что Евгения, ярко очерченная в начале книги, исчезает из нее. Она теряет индивидуальность, характер, даже говорит другим языком. Она была живой для нас, вызывала интерес, обиду, желание исправить человека — и сменилась неким стертым олицетворением добродетели, стала другой женщиной, которая не вызывает ни симпатий, ни антипатий. Не ощущаем мы и радости победы, потому что нет борьбы, потому что слишком легко и безболезненно преодолевают свои недостатки и Евгения и другие герои этой книги, которая к тому же чрезвычайно перенаселена. В книге много героев, так и остающихся для нас лишь названными, но незнакомыми. Автор не увидел их живыми, не услышал их речи. Ирина Матвеевна, комендант общежития заводской молодежи, — женщина, потерявшая в гражданскую войну мужа, в Великую Отечественную войну — дочь, сильная, мужественная; она полна любви к молодежи, внимания и чуткости. Но все эти качества лишь названы автором. Трудно поверить в них, когда Ирина Матвеевна в тяжелую для Сани минуту так утешает девушку: «Да, без самоконтроля жить плохо...»

Секретарь парторганизации Даурцев упрекает Яркова: «Вы в силу коллектива не верите... Коллектив воздействует на нее, а вы устранились». Для Даурцева Евгения — товарищ по работе, которому надо помочь. Но ведь для Яркова — это женщина, любимая, нужная, во многом непонятная, женщина, которая уже однажды разбила его жизнь. Не «устранился» он, а любит, страдает, колеблется, хочет и боится поверить в нее.

Глубоким содержанием наполнены такие понятия, как «самоконтроль», «влияние коллектива». Но нельзя доверять их картонным персонажам, нельзя, чтобы о них говорилось равнодушно, некстати и не к месту.

Живые герои пришли в эту книгу. В силах автора показать нам борьбу, трудности и победы этих живых людей. Тем досаднее, что на пути мы потеряли их, что их чувства стали для нас лишь наименованиями. Думается, Н. Поповой стоит серьезно переработать вторую половину книги, — тогда ее герои предстанут перед нами живыми людьми.

Е. УСПЕНСКАЯ

НЕФТЬ В МОРЕ

Быстроходный корабль уже третий час идет навстречу тяжелой морской волне, давно уже за кормой в туманной дымке растаяли очертания Апшеронского полуострова. И вот, наконец, показываются на горизонте контуры каких-то строений и лес буровых вышек.

На Каспии, в 60 километрах от берега, выросли за несколько лет нефтяные промыслы. В открытом море родился город нефтяников, построенный на стальных свайных опорах. Город с двухэтажными домами, оборудованными центральным отоплением, город с магазинами, клубом, телефонной станцией, с населением более чем две тысячи человек.

20 километров едете вы на автомобиле по «улице» этого города—эстакаде. Под колесами машины с грохотом бьет о стальные сваи штормовая волна. Дорога эта поднята на семь метров над уровнем моря, ведет она к дальним буровым, к сооруженным над волнами гигантским резервуарам, накапливающим нефть, добытую героическим трудом бакинских нефтяников-моряков.

О том, как несколько лет назад родился на Каспии этот необыкновенный промысел, рассказывает **И. Осипов** в своей книге очерков **«Остров семи кораблей»** («Советский писатель». 1952 г. 164 стр.).

Книга И. Осипова — результат многолетнего вдумчивого проникновения журналиста в избранную им тему. Автор побывал во многих нефтяных районах Советского Союза, долго изучал сложную технологию нефтедобычи, наблюдал труд и быт нефтяников, писал очерки о нефтяниках Жигулей, о новаторах Туймазы. Пытливость писателя, ищущего новое, привела Осипова к теме морской нефти. Рассказ о нефтяниках Каспия, начатый в газетных корреспонденциях, он продолжил и расширил в своей книге, представляющей серию очерков-новелл, связанных единым сюжетным движением.

Получилась своеобразная повесть о победе отважных советских людей, вступивших в борьбу со свирепой стихией Каспия, о могучей советской технике, которой вооружила этих людей страна. Повесть о том, как на окруженной волнами небольшой скалистой гряде, отмеченной во всех лоциях, как «кладбище кораблей», высадился в 1949 году первый десант разведчиков нефти, как построили они первую буровую, получили первую нефть и как выстроен был в открытом море чудесный город-промысел.

И. Осипов в своем повествовании интересно рассказывает о технике. Рассказ о том, как бакинцы в сражении за морскую нефть решают сложнейшие научно-технические проблемы, волнует читателя не меньше, чем романтика героической борьбы людей со стихией. Автор посвящает нас и в предысторию морской нефтедобычи. Здесь тоже не все шло «гладко» — была борьба мнений, споры, разочарования, неудачи и торжество новаторов — зачинателей беспримерного похода за морской нефтью. В преодолении трудностей писатель находит внутренний драматизм и на этом строит сюжет своих очерков.

Книга написана просто, без претензий на красивость. Простота языка не исключает поэтичности многих образов. Читатель находит эту поэтичность в описаниях природы, сурового быта «островитян»—так называли первых морских нефтяников.

О людях И. Осипов пишет лаконично, пожалуй, даже слишком лаконично, не выписывая в деталях характеры, портреты отдельных героев. Это недостаток книги. В ней есть места, где автор, теряя меру простоты изложения, переходит на очень уж сухой стиль рассказа, иногда снижающий драматизм описываемых событий, не раскрывающий в полной мере характеры людей.

Быстрыми темпами растет промысел в Каспийском море. События, описанные в «Острове семи кораблей», — уже история. В директивах XIX съезда партии по пятилетнему плану сказано: «Предусмотреть дальнейшее развитие добычи нефти на морских нефтяных месторождениях».

Тысячи нефтяников Советского Азербайджана несут сейчас героическую морскую вахту, проявляют образцы стойкости, мужества в трудных условиях каспийских штормов и бурь. Нужно надеяться, что наши писатели широко отразят в своих произведениях благородную, героическую тему борьбы бакинцев за морскую нефть.

Р. КАРМЕН

Навстречу победе

Чудесная, плодородная страна Вьетнам. Кажется, что в зрительном зале шелестят зонтики пальм, свисают с ветвей большие ноздреватые, похожие на губки, плоды хлебного дерева, тянутся кверху гроздья бананов, освежающим соком полны кокосовые орехи. Здесь крестьяне снимают по два-три урожая в год, здесь недра хранят в себе залежи драгоценных ископаемых.

Но трудно, горько живется народу на этой сказочно богатой земле. Французские оккупанты грабят страну, вывозят ее богатства.

С убедительной простотой кадры документального фильма «Сражающийся Вьетнам» рисуют то, что происходит сейчас во Вьетнаме.

Очень давно, еще в 1862 году, во Вьетнам вторглись французские войска. Они превратили свободную страну в свою колонию.

На экране возникают очертания резиденций, в которых живут французские захватчики. Это каменные бастионы, окруженные колючей проволокой, по которой пущен электрический ток. Оккупанты боятся выйти за ограду, ибо огонь священной ненависти горит в сердцах вьетнамских патриотов.

Вот Куанг-йенские копи. Здесь — залежи замечательного коксующегося угля, превосходного антрацита, который славится во всем мире. Изнемогая от усталости, в средневековых условиях работают шахтеры, добывая уголь, который эшелоны увозят во Францию. Каждый день получают сырье — драгоценный каучук из Вьетнама французские промышленники, а растят этот каучук вьетнамские крестьяне, обездоленные и голодные.

Восемьдесят лет французские колонизаторы бесчинствовали, издевались над свободным народом, морили его голодом. И все эти годы росло и крепло сопротивление патриотов. Из гущи народных масс выросли вожди, которые повели за собой народ на борьбу против французских оккупантов. В 1930 году была основана Коммунистическая партия Индокитая, и ее вождь Хо Ши Мин поднял над изнуренной землей великое знамя национально-освободительной борьбы.

...На экране — маленький дом. С виду он ничем не примечателен. Здесь, в этом доме, действовал штаб партизанского движения, здесь впервые прозвучал призыв к всеобщему вооруженному восстанию, отсюда вьетнамский генерал Во Нгуэн Зиап повел Народную армию в бой против японских империалистов.

2 сентября 1945 года президент вновь образованной Демократической республики Вьетнам провозгласил Декларацию независимости. С тех пор вознесся над маленькой страной гордый алый флаг с желтой звездой—государственный флаг нового свободного Вьетнама. Французские захватчики зверски расправились тогда с патриотами.

Перед зрителем проходят горестные кадры — развалины городов, сожженные деревни, мертвые дети. Трупы, трупы, трупы.

Нам довелось видеть такие же развалины и окровавленные детские трупы на улицах Пхеньяна, Вонсана и других городов Кореи — страны, которая героически сражается за свою независимость и свободу. Захватчики всех мастей действуют одинаково: они жгут города и села, истребляют людей. Но злодеяния французских империалистов не заставили вьетнамский народ покориться, встать на колени. Вот уже несколько лет идет священная война вьетнамских патриотов; в этой войне выросла и окрепла Народная армия.

...С поднятыми руками выходят французские солдаты из окопов и блиндажей. На их лицах смятение, растерянность, страх. Они впутались в «грязную войну» — так честные французы называют войну во Вьетнаме. И сейчас пленные боятся за свою шкуру, боятся возмездия. Искаженные страхом лица — как похожи они на лица американских солдат, взятых в плен на полях Кореи!

...По дорогам Вьетнама идут люди. На перекинутых через плечо коромыслах покачиваются корзины. В них жалкий скарб и маленькие дети. Эти люди спешат из оккупированных районов пробраться в свободный Вьетнам, туда, где правит народная власть. Вот идут рабочие заводов. Бережно поддерживая друг друга, согнувшись от тяжести, они уносят с собой детали машин, станков. И по воле патриотов в новом месте, в горах, в непроходимых чащах возникают заводы, которые делают оружие — все, что нужно для фронта, для победы.

Свободно живут на севере Вьетнама люди в горном районе, где находится главная база народно-освободительной войны. На экране возникают запоминающиеся образы мудрого вождя вьетнамского народа президента Хо Ши Мина, его соратника — выдающегося вьетнамского революционера Труонг Шина.

В свободных районах спокойно трудится народ: рабочие склоняются над своими станками, крестьяне сеют рис. Вот старый крестьянин. Он всю жизнь трудился и всю жизнь голодал. У него никогда не было клочка своей земли. Теперь впервые он получил землю. Молодой парень, улыбаясь, ставит на поле табличку, на которой — имя старика, владельца плодородного поля. Сотни тысяч таких табличек покрывают сейчас бывшие помещичьи поля. Хозяином земли стал народ.

В течение 80 лет владычества французских колонизаторов 95 процентов населения Вьетнама были неграмотными. Сейчас в городах и деревнях открыты школы, где занимаются и старики и молодые. За короткое время уже 80 процентов населения овладели грамотой. Книги Ленина, Сталина, произведения Мао Цзэ-дуна стали настольными книгами трудового народа Вьетнама.

В 1951 году была создана Партия трудящихся Вьетнама, продолжающая великое революционное дело Коммунистической партии Индокитая. Произошло слияние всех патриотических организаций страны в единый национальный фронт Вьетнама, создание объединенного фронта народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

С волнением смотрит советский зритель талантливый правдивый фильм о сражающемся Вьетнаме. В трудных условиях войны, под непрерывным обстрелом французской авиации создали этот фильм автор и режиссер Чан Хэ-лин, операторы Яо Синь-дэ, Юй Шу-чжао, Ван Хао. Созданию фильма помогали армия, правительственные учреждения и народные организации Вьетнама.

Фильм «Сражающийся Вьетнам» по-настоящему волнует. Это правдивый рассказ о сегодняшнем Вьетнаме, о героической борьбе вьетнамского народа. И когда на экране тесными рядами проходят солдаты вьетнамской Народной армии с вдохновенными, волевыми лицами, знаешь, чувствуешь: они встали на борьбу за правое дело, они идут навстречу своей победе.

Ирина ВОЛК

«Сражающийся Вьетнам» — документальный фильм. Автор — режиссер Чан Хэ-лин. Текст — Гун Лянь. Операторы: Чан Хэ-лин, Яо Синь-дэ, Юй Шу-чжао, Ван Хао. Музыка Ли Цзи-да, Лэй Чжень-бан. Производство Пекинской киностудии Китайской Народной Республики и киноорганизации Демократической Республики Вьетнам.

„АТЛАНТИЧЕСКИЙ“ ТУПИК

Вокруг поездки г-на Даллеса в Европу

Вашингтон стоит перед неразрешимой проблемой. Для его внешней политики необходимы две вещи: работоспособные союзники и иностранные войска, или, говоря точнее, ландскнехты. Но, видимо, и с тем и с другим у Вашингтона дела обстоят из рук вон плохо.

Учитывая это крайне прискорбное для Уолл-стрита обстоятельство, правящие круги США решили принять меры, то есть предъявить «союзникам» очередной ультиматум, который от всех предыдущих отличался разве лишь тем, что был произнесен громче других.

Выступая в телевизионной передаче в конце января, новый государственный секретарь Даллес заявил «союзникам», что «США вложили большие средства в Западную Европу, исходя из предположения, что там может существовать единство». Как известно, под «единством» американские империалисты разумеют «европейскую армию» (то есть возрожденный вермахт, стоящий во главе подчиненных США армий других стран Западной Европы). Над созданием этой армии государственный департамент бился при Ачесоне, как теперь бьется при Даллесе. Напомнив об истраченных для этой цели долларах, новый государственный секретарь США предупредил, что «если бы, в особенности Франция, Германия и Англия пошли своими разными путями, то тогда, несомненно, потребовалось бы заново продумать внешнюю политику Америки в отношении Западной Европы».

На другой же день «Нью-Йорк таймс» сообщила, что Париж «шокирован речью Даллеса». Приведя выдержки из французской буржуазной печати, корреспондент этой газеты Каллендер писал: «Одна газета назвала речь г. Даллеса отвратительной. Другая охарактеризовала ее как скрытую угрозу по отношению к Западной Европе».

Трения и пререкания между США и их «союзниками» с особой силой выявились во время поездки, которую в начале февраля Даллес предпринял в Западную Европу совместно с руководителем Управления взаимного обеспечения безопасности Гарольдом Стассеном. «Нью-Йорк таймс» рекомендовала их как «бригаду творцов политики и кассиров».

Американские газеты даже не пытались скрывать, что Даллес и Стассен явились в Западную Европу для вручения ультиматума своим «друзьям». Но их поездка, как известно, не дала тех результатов, которых ожидали правящие круги США. «Творцы политики и кассиры» потерпели неудачу.

Как явствует из первого послания вновь избранного президента США конгрессу, строптивость атлантических «союзников» серьезно удручает американских империалистов. Новый президент упрекал своих партнеров в том, что они прилагают мало усилий для создания европейской армии. Однако и после опубликования президентского послания из Лондона, Парижа и других столиц продолжают поступать сообщения, показывающие, что трудности американского правительства отнюдь не уменьшились.

Английская буржуазная печать единодушно осудила раздавшийся из-за океана призыв маршировать под одним знаменем с пиратом Чан Кай-ши. Лондонская «Таймс» высказалась на этот счет весьма откровенно. Эта газета признавала, что в принципе у нее нет возражений против союзов с пиратами. Но она считает, что связываться с ними, заранее зная, что этот союз обречен на провал, вряд ли стоит. Такой же была реакция других союзников Америки по Северо-Атлантическому пакту. Разумеется, в обычных условиях они не упустили бы случая поразглагольствовать о верности «великому союзу» с Соединенными Штатами, однако на этот раз возмущение общественного мнения оказалось настолько сильным, что западноевропейские буржуазные политики не могли с ним не посчитаться.

В самих же Соединенных Штатах даже наиболее оголтелые сторонники агрессивного внешнеполитического курса Уолл-стрита убедились, что их политика стоит перед острым кризисом. Предоставим им слово.

В январе этого года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» горько жаловалась в передовой статье на то, что если Атлантический блок и «не зашел в тупик, то, по крайней мере, застрял на полпути». Констатируя, таким образом, провал агрессивной программы Атлантического блока, «Нью-Йорк геральд трибюн» предсказывает, что в дальнейшем ее выполнение будет становиться все более и более трудным делом, ибо «уверенность и единство» входящих в него членов, «видимо, улетучиваются через все щели».

Чем же объяснить уныние, которым веет с тех самых газетных страниц, где еще недавно предсказывались быстрое и легкое осуществление замыслов Уолл-стрита в том случае, если в Белом доме водворится президент-республиканец?

Дело в том, что куда бы писаки из «Нью-Йорк таймс» или из «Нью-Йорк геральд трибюн» ни кинули свой взор, повсюду они видят обломки политики Уолл-стрита. Как же тут не помрачнеть?

Вот они смотрят на Корею. Там героический отпор корейского народа и китайских добровольцев интервентам сводит на нет мечты о вожделенном марше к реке Ялуцзян и за нее.

Вот они бросают свой взгляд на Индокитай. Там республика Вьетнам похоронила мечты Уолл-стрита в общей могиле с надеждами французского империализма.

Вот они взирают на Японию. Страна, которой предназначается роль ведущего плацдарма захватнической политики США на Дальнем Востоке, превращается в очаг сопротивления планам Уолл-стрита со стороны широких масс и даже отдельных представителей правящих кругов: японцы отказываются быть авангардом американской агрессии против народов Азии.

Вот они смотрят на Западную Европу. Там даже верные «союзники» начинают проявлять строптивость.

В Западной Германии, как и в пяти других странах, которым предписано создать армию ландскнехтов, сепаратный боннский договор и соглашение об организации «европейской армии» все еще не ратифицированы.

В начале 1953 года кризис «европейской армии» стал очевиден даже присяжным оптимистам за океаном, полагавшим, что Европа беспрекословно отдаст своих сыновей в наемники Уолл-стриту. Поэтому наступивший год американские реакционные политики начали с «предупреждения» «союзникам». У сенатора Уайли — нынешнего председателя сенатской комиссии по иностранным делам — ситуация в Западной Европе вызвала такое недовольство, что он решил припугнуть «союзников». «Дальнейшие проволочки в создании европейского оборонительного сообщества, — заявил он, — приведут к прекращению американской помощи». Но реакция «союзников» на подобного рода угрозы была неутешительна для нового правительства США.

Как сообщил боннский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Миддлтон, ультиматум Уайли, может быть, и заставил подтянуться Аденауэра. Что же касается других немцев, писал Миддлтон, то «повсюду в федеральной республике слова сенатора Уайли вызвали несколько иной эффект». Многие буржуазные политические деятели Западной Германии, включая даже правых социал-демократов, по свидетельству американского корреспондента, «мрачно говорят, что это лишь новый пример того, как США рассчитывают купить за деньги политическую верность европейских вассалов».

Бедные социал-демократы! Им нужно и невинность соблюсти и капитал приобрести. А как это сделать, если из Вашингтона раздается хозяйский окрик, вроде угроз сенатора Уайли: вот вам вашингтонские приказы, и будьте добры их выполнять! «Недовольные голоса — как писал далее Миддлтон, — раздавались также и в среде сторонников канцлера (т. е. Аденауэра.— Д. К.) и правого крыла коалиционных партий».

Считая рецепт сенатора Уайли единственно правильным, Миддлтон все же советует новому верховному комиссару США в Западной Германии проявить большее искусство: «Какое бы содействие г. Конэнт ни оказывал доктору Аденауэру, он должен делать это осторожно, тщательно продумав все заранее».

Но «осторожность», которую рекомендует проявить Миддлтон, является всего-навсего маскировкой. Ультиматум же, даже сопровождаемый вежливыми фразами, остается ультиматумом!

Миддлтон пытается доискаться до причин, вызывающих оппозицию к договорам, продиктованным Пентагоном, даже в правящих кругах Западной Германии. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» уныло вещает: «Идея единства, словно туман (!— Д. К.), обволакивает каждую фазу германской внешней и внутренней политики. Воздействие этой идеи сказывается и на дельцах и на политиках — она пробуждает надежды...»

Государственный департамент как при Ачесоне, так и при Даллесе испытывает немалые трудности, воссоздавая вермахт под флагом включения Западной Германии в «европейскую армию». И трудности эти особенно возрастают, когда заходит речь о Франции. Очередной премьер-министр французского правительства Рене Мейер смог занять свой пост только при одном условии — он пообещал Национальному собранию проявить хотя бы видимость оппозиции по отношению к договору о создании «европейской армии», призванной возродить германскую угрозу Франции.

Парижский корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Макгэрн разъяснил, что лично премьер Мейер очень хочет подписать договор, который поставил бы на ноги исконных врагов Франции — германских милитаристов. Но Мейер — это еще не Франция.

Французский премьер пустился во все тяжкие, чтобы, с одной стороны, обмануть французский народ, заявляя, что выступает за изменение договора, которое якобы обеспечит безопасность Франции, а с другой стороны — показать Вашингтону, что он всей душой за этот договор. Вот почему Мейер и его коллеги, как писал Макгэрн, «прибегают к сложным маневрам, чтобы заручиться более широкой общественной поддержкой» и добиться «по крайней мере частичного успокоения патриотических чувств, которые с давних пор воспитаны во французах». Так корреспондент влиятельной американской газеты ходатайствует за французского премьера, чтобы вашингтонские хозяева, упаси бог, не приняли всерьез «оппозицию» г-на Мейера!

Не легкую задачу поставили, однако, перед г-ном Мейером: даже французская буржуазия, которой не впервой пресмыкаться перед государственным департаментом, и та отказывается полностью принимать американский ультиматум, требующий возрождения западногерманского милитаризма. Обозреватель буржуазной газеты «Монд», в известной степени выражая недовольство определенных буржуазных кругов Франции американской политикой, писал в конце прошлого года: «Альфреду Круппу отпущены все грехи... Ялмар Шахт совершает поездки по всему миру, чтобы снова проявить свой «гений», который так долго служил фюреру... Канцлер Аденауэр откровенно подтвердил в бундестаге, что «две трети руководящих постов в министерстве иностранных дел заняты бывшими членами национал-социалистской партии». Генерал Рамке превозносит эсэсовцев и объявляет союзников «настоящими военными преступниками»... Фельдмаршал Кессельринг, только что амнистированный англичанами, требует безотлагательно ратифицировать договор о европейском оборонительном сообществе и, говоря о вооружении Германии, тут же добавляет: «Для меня будущее заключено в прошлом». Более того, недавно стало известно, что группы террористов * пользовались субсидиями и покровительством американских властей...

Можно ли еще надеяться, что в Вашингтоне проснется здравый смысл, или это безнадежно?»

Конечно, даже подобные попытки воззвать к здравому смыслу приводят в ярость правящие круги США. Их представители выходят из себя, узнавая о «странных понятиях», которые получили большое распространение среди жителей западноевропейских стран. «Нью-Йорк таймс» жалуется, что «проектируемое европейское сообщество шести стран, которое должно было стать реальностью еще прошлым летом, если бы договор о его создании был ратифицирован парламентами этих стран, все еще скрыто за туманами европейской политики».

Военный обозреватель той же «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин, стремясь выяснить, как относятся народы стран — участниц Атлантического блока к перспективе стать пушечным мясом Уолл-стрита, посетил эти страны. После поездки он подвел итоги, которые и изложил в серии статей, появившихся на страницах этой газеты.

Тип американского эмиссара в Европе

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

В Норвегии Болдуин обнаружил «антивоенные традиции» и констатировал, что «использование воздушных баз не норвежцами превращается в политическую проблему». В Дании он нашел «пацифизм».

В Западной Германии Болдуин обнаружил стремление к «объединению восточной и западной зон» и «сопротивление планам создания европейской армии».

В Голландии он убедился в существовании «мирных настроений» и поставил большой вопросительный знак, когда дело коснулось морального состояния голландцев с точки зрения их готовности к соучастию в американской агрессии.

В Бельгии он столкнулся с протестами против увеличения сроков военной службы.

Во Франции он обнаружил «индокитайскую усталость», а также «политическую и финансовую неустойчивость» и «страх перед Германией».

В Англии Болдуин увидел «отсутствие интереса к созданию ополчения» и «экономические затруднения».

В Италии — плохое «моральное состояние» народа и «крайне расстроенную экономику».

В Греции и Турции — «крайне расстроенную экономику».

Скрепя сердце Болдуин делает следующее заключение: «Таким образом будущее вооруженных сил Атлантического пакта стоит под большим сомнением. Военный сапог жмет Европе ногу, и она не желает его носить».

А каково положение в другой части света — на Дальнем Востоке? Корреспондент «Нью-Йорк таймс» 22 января сообщал из Токио о том, как реагировали японцы на вступление Эйзенхауэра на пост президента:

«Значительная часть общественного мнения высказала тревожные опасения, что теперь этой критически расположенной стране (т. е. Японии.— Д. К.) будут предъявлены еще более тяжелые требования. Существо сомнений многих японцев, которые обычно приводятся в токийской прессе и в частных разговорах, заключается в том, что от Японии теперь потребуют взвалить на плечи гораздо более тяжелое бремя перевооружения...»

Трудности, с которыми Соединенные Штаты сталкиваются в Японии, по своему характеру почти совпадают с теми трудностями, которые стоят перед ними в Западной Германии и в остальной Западной Европе. Токийский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Пэррот предупреждал в середине января, что в Японии против перевооружения «существует психологический блок». Хотя японское правительство и находится в подчинении у Соединенных Штатов, указал корреспондент, тем не менее оно не решается выполнить американский приказ об изъятии из японской конституции статьи, направленной против применения «силы как инструмента национальной политики».

Чтобы устранить даже такое скромное препятствие, японское правительство должно передать этот вопрос на обсуждение избирателей. Но «режим премьера Сигеру Иосида отдает себе отчет в том, что этого он не может сделать», заключает Пэррот.

Американский политический корабль, идущий напролом по океану международных отношений, определенно начинает давать течь. Его все больше кренят волны, поднимаемые «ближайшими друзьями» и «союзниками» США. Что же будет, когда во всей силе проявит себя такой важный фактор, как сопротивление наступлению Уолл-стрита со стороны народов всех континентов? Только присяжные оптимисты и близорукие деятели из госдепартамента могут надеяться, что американским империалистам еще удастся поправить свои дела...

Джозеф КЛАРК

* Имеются в виду финансируемые американскими властями в Западной Германии фашистские молодежные организации. (Ред.).

Американские солдаты, ветераны войны в Корее Ал Гаррис и Дик Дэвис собирают в городе Сиэтле «голоса за мир».

Снимок из американской газеты «Пиплс уорлд»

ДИК ДЭВИС И ЕГО ДРУЗЬЯ...

Вернувшиеся на родину, в США, с корейского фронта три американских солдата — Ал Гаррис, Брайэн Брэдли и Дик Дэвис — организовали в своем родном штате Вашингтон кампанию «голосования за мир».

Они побывали во всех крупнейших городах штата, в том числе Беллингеме, Эверетте, Сиэтле, Такоме. Корреспондент прогрессивной американской газеты «Пиплс уорлд» сфотографировал Гарриса и Дэвиса в момент, когда последние собирали подписи на углу 3-й авеню и Юнион-стрит в Сиэтле **(см. снимок):**

«Каждый, к кому мы обращались, — заявил корреспонденту Гаррис, негр по национальности, — немедленно соглашался подать свой голос за установление мира в Корее».

Из 325 мужчин, женщин, юношей и девушек, опрошенных в Сиэтле за несколько часов, 322 человека ответили «да» на вопрос, хотят ли они немедленного прекращения огня в Корее. В Беллингеме из 105 опрошенных 103 высказались за мир, в Эверетте из 39 опрошенных не нашлось ни одного, кто поддерживал бы войну в Корее.

Инициативу трех ветеранов войны в Корее поддержали другие американцы, выразившие желание принять участие в «сборе голосов за мир». Они стали ходить по квартирам, вели опрос на улицах. Многие сборщики подписей в Сиэтле говорят, пишет «Пиплс уорлд», что люди расхватывают бюллетени так быстро, что не поспеваешь запасаться новыми.

На первой странице бюллетеня, который распространяют сторонники мира, надпись: «Немедленно прекратить войну в Корее». На внутренних страницах написано: «Я стою за немедленное прекращение войны в Корее и за открытие тотчас же после этого переговоров для урегулирования вопроса о военнопленных». От каждого, кому вручается бюллетень, требуется лишь подчеркнуть слово «да» или «нет», не ставя своей подписи.

К бюллетеню приложено заявление Гарриса, Брэдли и Дэвиса следующего содержания:

«Мы, вернувшиеся с войны ветераны, решили сделать все, что в наших человеческих силах, дабы помешать дальнейшим убийствам в Корее...

Мы настойчиво призываем всех людей присоединиться к нам и потребовать у руководителей великих держав установить путем переговоров мир вместо того, чтобы разрешать разногласия средствами войны».

Кампания «голосования за мир», начатая в штате Вашингтон тремя американскими солдатами, вызвала широкий отклик. Газета «Пиплс уорлд» сообщает, что Дэвис, Гаррис и Брэдли получили из 17 других штатов многочисленные письма с выражением сочувствия и поддержки начатого ими дела.

Накануне Конгресса народов в защиту мира один из ветеранов, Дик Дэвис, решил поехать в Вену и взять с собой туда мать, Р. Дэвис, тоже активную участницу борьбы за мир. Он обратился за паспортами в государственный департамент США. Несколько недель он ждал ответа, и, наконец, ему сообщили: в выдаче паспортов на выезд в Вену Дэвисам отказано.

Дэвис обратился в госдепартамент с протестом. Протест не помог. Власти не разрешили Дэвису выехать из США.

С наступлением третьей военной зимы на корейском фронте среди американских солдат заметно усилились антивоенные настроения. В конце прошлого года корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс Уильям Барнард провел «анкету» среди солдат о том, что они спросили бы у Эйзенхауэра, если бы им довелось поговорить с ним. Вот некоторые ответы, полученные корреспондентом и опубликованные в газете «Пиплс уорлд».

Капрал Олберт Крэмбил: «Главный вопрос, который я задал бы ему, — это не собирается ли он подтвердить свое обещание вернуть нас домой отсюда как можно скорей?..»

Рядовой Д. Грэлински: «Вот что я скажу Эйзенхауэру: кончай скорей с этой проклятой штукой, чтобы мы могли отправиться домой. Давайте убираться отсюда. Ничего мы здесь не добьемся».

Рядовой Орвил Селб: «Вот какой вопрос я задал бы Айку: как скоро думает он закончить эту войну?»

Рядовой Эдгар Поркиа: «Я хотел бы спросить у него, что является причиной задержки с прибытием смены для нас... Я хотел бы узнать также, смогу ли я уволиться из армии в положенный мне срок...»

Требование положить конец кровопролитию в Корее все громче раздается во всех концах Соединенных Штатов. В городе Спрингфилде (штат Иллинойс) по инициативе жен, матерей и сестер солдат, воевавших в Корее, недавно был создан комитет, который начал кампанию за массовую посылку писем Эйзенхауэру с требованием о прекращении огня в Корее.

СЧАСТЬЕ МОНГОЛИИ

Завтра исполняется 7-я годовщина Договора о дружбе и взаимопомощи между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. Тот, кто побывал в Монголии, кто общался с ее мужественными, жизнерадостными сынами и дочерьми, не мог не притти в изумление от тех грандиозных перемен, которые произошли в судьбе народа, совершившего, как говорил маршал Чойбалсан, «скачок от феодальной отсталости к народной демократии».

Выдающийся борец за мир и дружбу между народами, бразильский поэт Жоржи Амаду, посетив солнечную Монголию, заявил: «В 1920 году, когда я изучал географию стран мира, мне говорили, что Монголия — это самая отсталая страна мира. Ни строчки о жизни Монголии не найдете вы в учебниках географии, издаваемых в капиталистических странах, и сегодня. Идеологи капитализма тщательно скрывают правду о Монголии. И неспроста: если они расскажут правду, то им придется притти к заключению, что Монголия по своему государственному и общественному развитию стоит гораздо выше стран капитализма».

По древнему обычаю, существующему у монголов, свой трудовой день арат-скотовод начинал благодарственными словами, обращенными к животворным силам природы: «Высокое небо — отец мой, широкая земля — мать моя». Наше время вложило в уста тружеников иные слова: «О, великий советский народ, победивший черного дьявола, слава тебе. О, Сталин, вечное счастье и долгие годы тебе...»

Народ Монголии видит в своем друге — советском народе — надежную опору и верного защитника.

Благодарный голос народа звучит в стихах лучшего поэта страны Ц. Дамдин-Сурена, написанных в форме юрола — народного благопожелания:

Рады мы всем сердцем,
Что судьбу народа монгольского
Связал с судьбой страны Советов,
Ведомой батором великим Сталиным,
Наш Чойбалсан...

Более тридцати лет тому назад поиски путей спасения своего многострадального народа от порабощения и вымирания привели бесстрашного Сухэ-Батора в Кремль, к великому Ленину. Направляясь из кремлевских ворот к родной земле, Сухэ-Батор твердо знал, что Монголию могут спасти четыре силы: народная партия, народная армия, народная власть и дружба с советским народом. Ленинские заветы дружбы Сухэ-Батор принес в монгольские степи. Вместе со своим соратником Чойбалсаном он навеки зажег ими сердца степных людей.

Какую бы сторону жизни народа ни взять, везде произошли разительные перемены. Благодаря самоотверженному труду монгольского народа и бескорыстной помощи Советского Союза создаются условия для построения в стране социализма. Развиваются культура, наука и искусство.

Когда монгольский писатель Ч. Ойдуб приехал к себе на родину в Уянга Сомон, что раскинулся в долине быстрой реки Онгин-гол, и поинтересовался, как здесь обстоит дело с ликвидацией неграмотности, его земляки с чувством достоинства ответили: «Неграмотных у нас сейчас столько же, сколько до революции было грамотных, — ни одного человека».

Личная библиотека скотовода — вот отличительная черта теперешней аратской юрты. Газета «Унэн» рассказала о большой библиотеке молодого арата Жунши из Архангайского аймака. Главное место в ней занимают переведенные на монгольский язык сочинения В. И. Ленина и И. В. Сталина, биографии Сухэ-Батора и Чойбалсана. Много здесь книг по естествознанию, учебники по истории. С любовью относится Жунши и к художественной литературе.

Ярким проявлением вечной дружбы с братским русским народом, дружбы, способствующей росту культуры монгольского народа, служит развернувшееся в стране движение за изучение русского языка.

Первым человеком в Монголии, понявшим великое значение русского языка, был Чойбалсан. Еще в годы, когда в старой Урге семнадцатилетнему Чойбалсану приходилось добывать себе пропитание тяжелым трудом носильщика, он упорно, самоучкой овладевал монгольской грамотой и русским языком. Русский язык сблизил будущего вождя монгольского народа с передовыми людьми России, с ее революционерами, помог «вложить в грудь пылающее сердце, а в руки — острый клинок».

Монгольский народ любит поэтическое слово. Страна богата народными сказителями, теми, кого в Монголии называют «золотым умом и чистым сердцем народа». Творчество этих певцов народного счастья занимает видное место в монгольской поэзии.

Великая дружба народов страны Советов и свободной Монголии, завещанная монголам Сухэ-Батором, стала одной из главных тем творчества народных сказителей.

О чем бы ни пел или ни рассказывал современный народный сказитель, в его сказе обязательно найдется немало искренних, сердечных строк, обращенных к «заботливым друзьям Ленину и Сталину», к «большому северному народу». Десятки замечательных, вдохновенных произведений целиком посвящены благородной теме дружбы двух народов.

С каждым днем все более расцветает жизнь свободного монгольского народа, постоянно чувствующего дружбу и поддержку Советской страны. С помощью великого советского народа Монголия за короткий срок прошла путь, равный столетиям.

Радость новой жизни, расцвета родной страны хорошо выразил скотовод Жамц в своем юроле:

70 лет я прожил на свете,
Многое видел, многое слышал,
Степи и горы, леса и долины
Вели беседы со мной.
Но никогда, даже в снах, мне не снилось,
Чтобы меня, старика, позвали,
Чтоб у меня, чабана, спросили
Совета вожди страны.
И вот сегодня на этом съезде
Понял я всей душой:
В свободной Монголии я — хозяин,
Хозяин — народ простой.

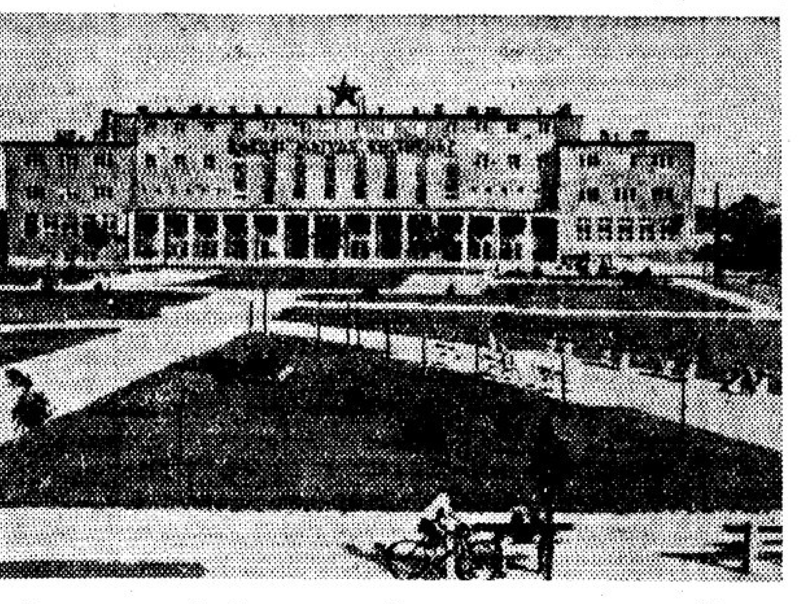
А когда народ становится хозяином страны, тогда в ней расцветает счастье.

Я. РЫЖАКИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДНИ МЕСЯЧНИКА ДРУЖБЫ

Как любимого гостя, ждем мы каждый год месячника венгеро-советской дружбы. В этом году он особенно знаменателен — начало его совпало с пятой годовщиной со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

То, что месячники венгеро-советской дружбы проводятся у нас в конце зимы, является глубоко символичным. Ведь весну принесли нам восемь лет назад солдаты Советского Союза. Они избавили Венгрию от вековой студеной зимы угнетения. Мы испытали счастье дружбы с великой страной социализма. И вот снова сейчас, в дни месячника, думаешь о том, что получила венгерская культура от культуры людей, строящих коммунизм.

Возрожденный Будапешт. Дом культуры имени Матиаса Ракоши в XIII районе венгерской столицы.

Снимок из чехословацкого журнала «Свет в образех»

Как писатель, разумеется, я прежде всего думаю о литературе. Не хвалясь, с национальной гордостью мы можем заявить, что у нас — большая литература. У нас были такие поэты, как Чоконаи, Вёрёшмарти, Арань, Петефи, Эндре Ади, Атилла Йожеф, чьи стихи я слышал и на русском языке и на языке Грузии...

Но большая литература, если народ не знает ее, остается скрытым богатством. И если сегодня венгерский рабочий и крестьянин читают книги, знают и любят своих национальных писателей, то этим мы обязаны Советскому Союзу. И не только потому, что советский народ научил нас нести в массы лучшие демократические традиции нашей культуры прошлого. Он увлек нас произведениями своих писателей. Переведенные на венгерский язык, эти произведения быстро нашли в нашей стране массового читателя. Они показали и венгерскому труженику дорогу его борьбы; перед ним засияло прекрасное будущее. И тот, кто на этих произведениях познал силу литературы, тот с любовью и уважением стал обращаться и к малоизвестным ранее произведениям венгерских писателей. Вот так и произошло, что М. Шолохов, А. Фадеев, Н. Тихонов, А. Твардовский, Г. Николаева и другие советские литераторы передали в руки нашего народа произведения венгерских классиков и современных писателей.

То же самое произошло и во всей нашей культуре.

Если венгерский труженик, который прежде лишь по слухам знал об опере и балете, сегодня сидит в зрительном зале Государственной оперы, то мы опять-таки обязаны этим Советскому Союзу. В. Давыдова и А. Иванов, Г. Уланова и О. Лепешинская научили наш народ любить оперу и балет так же, как чудодейственный звук скрипки Д. Ойстраха привел венгерского труженика в концертный зал, в мир музыки.

Но это не все. Словно бы вдруг выросли на голой земле леса и сады — так внезапно в городах и деревнях нашей страны родились народные ансамбли песни и пляски, оркестры народных инструментов. Они появились вслед за гастролями ансамбля Игоря Моисеева и других советских театральных коллективов. Мы узнали чудесное народное искусство Советского Союза, и это помогло нам познать свое. Мы открыли подлинные богатства искусства венгерского народа.

Мы давно убедились в том, что Советский Союз, делая жизнь своих народов прекрасной, обогащенной мудростью науки и красотой искусства, в то же самое время помогает расцвету культуры других народов.

Вот почему таким замечательно прекрасным праздником является для нас месячник венгеро-советской дружбы.

ЗЕЛК ЗОЛТАН,
венгерский писатель, лауреат премии имени Кошута

БУДАПЕШТ

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08 69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00811.